

Муъминат
Хаттаева

САКИНАТ

Муъминат Хаттаева

Сакинат

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хаттаева М. М.

Сакинат / М. М. Хаттаева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Произведение Сакинат было задумано как роман-трилогия. Главная героиня Сакинат, окончив Ленинградский мединститут, становится врачом в родном районе. Её становление происходит через сложнейшие жизненные ситуации. В повести описаны быт и обычаи людей живущих в горах, молодежи и студентов в Ленинграде в семидесятые годы XX-го века. Выявлена двойная мораль советского образа жизни и её нежизнеспособность. Даны целостные образы героев со всеми присущими им характерами. Произведение можно рассмотреть и как киносценарий. Содержит нецензурную брань.

© Хаттаева М. М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Хаттаева Муьминат Мирзаевна

Родилась в 1959 году в с. Карбачимахи Дахадаевского района Республики Дагестан. После первого класса семья переехала в с. Герга Каякентского района, где Муьминат училась в школе до пятого класса. Там Муьминат очень скучала по своим друзьям, которые остались в родном селе, была одинока. Там-то появилась любовь к чтению, которая ей помогла избежать одиночества. Все книги, которые были в библиотеке были перечитаны по несколько раз. После пятого класса с родителями переехала в поселок Кубачи. Первое стихотворение написала ещё пока училась в школе.

После окончания в 1978 году Кубачинской средней школы, Муьминат начала работать в Кубачинском художественном комбинате.

1982 году Муьминат Хаттаева поступает в Финансовый техникум г. Махачкалы по специальности «Бухгалтерский учёт». 1985 году, после окончания техникума, 15 лет проработала начальником кредитного отдела в отделении Сбербанка Дахадаевского района (с. Уркарах).

Её страсть к чтению и творчеству не прошла даром. Первая книга стихов и рассказов на даргинском языке («Бессонные ночи») вышла в Дагестанском книжном издательстве в 2004 году. В неё вошли произведения, написанные в течение 10-15 лет.

В 2008 году Муьминат Хаттаева окончила факультет журналистики Дагестанского государственного университета, и затем несколько лет проработала в редакции газеты «Сельская жизнь» и редактором районного телевидения в с. Уркарах.

Стихи, очерки, рассказы и другие произведения Муьминат Хаттаевой печатались в районной и республиканской газетах, в журналах, издаваемых на даргинском языке. Муьминат лауреат конкурса за лучшее стихотворение, которое было выбрано для гимна Дахадаевского района Республики Дагестан.

Повесть «Сакинат» была написана в 2010 году. Книга вышла на даргинском языке и была тепло принята читателями.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни.

А.П. Чехов

Стояла поздняя осень. День клонился к вечеру, и луч медленно гаснущего солнца падал на маленький стол возле окна. Старшей девочке, сидевшей за столом, исполнилось семь лет. Аминатке, сидевшей напротив нее, было четыре года. Обе были одеты в старые поношенные платья из бумазеи, которые сшила мама. Шерстяные безрукавки, надетые поверх платьев, тоже были плодом труда заботливых материнских рук. Маленький цветной платок сполз с головы старшей на плечи и более не скрывал густых чёрных волос, заплетённых в косички. Волосы

младшей, походившие цветом на спелую пшеницу, были подстрижены ножницами, и голова девочки была похожа на сноп, увенчивающий скирду снопов.

Сакинат рисовала цветными карандашами. Аминат укачивала тряпичную куклу и тихо напевала песню, чтобы кукла уснула.

В комнате, где сидели дети, вдоль всей стены тянулась широкая деревянная тахта. Её накрывал чёрно-белый палас, сотканный из шерстяных некрашенных ниток. Задняя стена была завешена сатиновой тканью с узором крупных цветов. В одном углу, впритык к стене, была сложена постель. На тахте оставались лишь несколько маленьких подушек. Оба окна, выходящие на одну сторону, были украшены вязаными ватными занавесками. Сбоку от тахты находилась некрашенная дверь, с другой стороны – очаг. Окна и дверь в комнате были новые, но простые, без намека на изящество и красоту. Очажный камень, расположенный с лицевой стороны очага, был старинным, его покрывали искусно вырезанные красивые мелкие узоры. На каменном выступе, который был выше очажного камня, стояла керосиновая лампа. Давно не чищенная, она была черна от сажи. Зато стены, покрытые белой глиной, сияли чистотой. Стена возле дверей была увешена медной, фарфоровой и глиняной посудой. Под ней на низкой деревянной полке стояли маленькие и большие кастрюли на трёх ножках, кувшины-водоносы и маленькие кувшины для воды. По другую сторону очага находился небольшой шкаф для посуды, изготовленный плотником.

Посередине комнаты находилась колыбель. Она была накрыта тонким стёганым одеялом, сшитым из разноцветных шёлковых и атласных лоскутков. Пол был покрыт хорошо подогнанными друг другу каменными плитами. Пол был чисто подметён, но под ногами ничего постелено не было – ни коврика, ни циновки.

Сакинат была полностью поглощена своим занятием. Она уже два месяца ходила в школу, умела держать карандаш и научилась писать несколько букв. Девочке хотелось, чтобы радуга, которую она рисовала, получилась красивее, чем настоящая. Результат труда вполне удовлетворял её. Она любила рисовать красивые узоры поточёнными отцом карандашами на бумажных листах. Двадцати четырёх цветных карандашей, как у нее, в школе пока ни у кого не было.

Пока Сакинат была занята рисованием, в колыбели проснулся брат. Он принялся гукать, затем залепетал, рассказывая сам себе сказки, на своём младенческом языке. Сакинат не обращала на братишку внимания – не плачет, значит, с ним всё хорошо. Между тем в колыбели ослабла привязь для рук. Малыш медленно высвободил руки и, продолжая громко гукать, стащил накинутае на колыбель одеяло.

Погремущка, привязанная над колыбелью, ему окончательно надоела. А Сакинат, погружённая в рисование, думать не думала про брата.

Вдруг раздался звук упавшего братишки. Она быстро обернулась – братишка громко плакал, больно ударившись головой о каменную плиту. На её глазах дыхание ребенка замерло, он посинел. Сакинат бросилась к нему. Схватила малыша и уложила на тахту, подложив под его голову подушку. Быстро плеснула в ладони воду из кувшина и брызнула в лицо брата, несколько раз осторожно повернула его голову туда-сюда. Её действия дали результат: у мальчика заново вырвался крик, и с криком восстановилось дыхание.

Сейчас все мысли Сакинат занимал только её брат. Ласковее, чем мама, девочка заговорила с малышом, лаская его. И, словно угадав и приняв её желание утешить его, маленький Хасбулла перестал плакать и заулыбался сестре. Сакинат надела на братишку безрукавку, повязала на его гладко стриженую голову хлопковую косынку. Маленькие ножки до самого пояса закутала одеялом, которым была накрыта колыбель. Затем усадила братишку и, чтобы не упал, разложила вокруг него подушки.

Взяв очажные щипцы, девочка порылась в очаге, и из-под золы заалели угольки кизяка. Сакинат поставила разогреваться тёмно-зелёную эмалированную кастрюлю с молоком, приготовленную мамой. Налив в стакан согретое молоко, напоила брата. Она уже забыла про свой

рисунок, но не забывала следить, чтобы ей помогала сестрёнка. Маленькая Аминат убрала все свои игрушки, а карандаши и рисунок старшей сестры убрала в её мешочек, после чего прибрала в комнате.

С кизяком для очага вернулась мама. С любовью посмотрела на дочерей и на сына.

– Ой, мамыны красавицы, не плакали, пока мама придёт? Посмотри, и комната прибрана! И брата покормили? Ой, мои милые!

Выслушав ласковые мамыны слова, Сакинат попросила:

– Мама, отпусти нас погулять. На улице дети играют, мы тоже хотим.

– С удовольствием отпущу, идите. А пока вы вернётесь, я приготовлю вкусный молочный суп.

Привязав маленького Хасбуллу плотным шерстяным платком к спине, и взяв за руку сестрёнку, Сакинат вышла из дома. Только так, на спине, девочка могла выгуливать братишку – взять его на руки у неё не хватало силенок.

На окраине селения располагалось гумно, переполненное скирдами снопов пшеницы. Это место ровесники Сакинат выбрали для своих игр. На улице было пасмурно. Ещё не зашедшее солнце закрыли тучи. За горами, подпирающими небо с северной стороны, неподалеку от села, туман выпускал свои косы, сквозь которые пробивались закатные лучи. Слабый северный ветер не позволял туману подняться наверх, прогонял его за горы.

Марьям, с которой Сакинат сидела в школе за одной партой, быстро бегала, увлечённая игрой, терялась из виду и заново появлялась между скирдами. Медлительная Аслимат на этот раз не отставала от нее. Убайдат, которая была старше подруг на целый год, как ни старалась – никак не могла поймать их в игре.

Хотя Сакинат и не веселилась со всеми, но рада была находиться там, где играли её сверстники. Самой принимать участие в общих играх ей доводилось нечасто. Если даже брат оставался с мамой, Аминат, которая на прогулке держалась за руку старшей, всегда была рядом. Если Сакинат начинала играть с детьми и оставляла сестрёнку одну, Аминат, приходя домой, жаловалась маме:

– Она меня оставила плакать! Сакинат меня в игру не взяла!

Мама иногда через ласковую просьбу, иногда через окрик оставляла маленьких брата и сестру под присмотром Сакинат. Поступать иначе у женщины не было возможности: больше некому было присмотреть за детьми. Сакинат честно старалась удерживать себя от разных интересных занятий, к чему её тянуло, но которые отвлекали её от присмотра за младшими детьми.

– Ну что, идти? – с закрытыми глазами кричала Убайдат тем, кто прятался между скирд. С разных сторон доносились радостные крики детей, однако кто и откуда подберётся к тому месту, где стояла Убайдат, невозможно было угадать.

– Идти? – ещё раз крикнула Убайдат, готовясь открыть глаза и броситься в весёлую погоню за подружками.

– Иди! Иди! – оттуда и отсюда зазвучали ответы. Нелегко было узнать, где находились спрятавшиеся!

И снова Убайдат не смогла никого поймать. Договорившись между собой, девочки выглядывали с разных сторон, и когда Убайдат старалась поймать одного игрока, другие подбегали к тому месту, где она закрывала глаза, а та, которую она едва не схватила, терялась между скирдами. Целый день девочки играли между скирд – носились друг за другом, прятались и снова бегали. Их одежду и волосы запорошила солома. Уставшие лица детей сияли радостью. Сакинатке, держащей за руку сестру, а на спине – брата, оставалось только смотреть на них. Недалеко от играющих стоял Саламчик – четырёхлетний брат Убайдат. Старшие не принимали его в игру, говоря, что он ещё мал.

У многих сверстников Сакинат были бабушки, которые и присматривали за младшими детьми. А Сакинат от бабушки досталось только имя. Папа дал дочери, которой родилась первой, имя своей матери.

Бабушка Сакинат была красивой женщиной. Выросшая в семье сельского муллы, Сакинат-старшая знала Коран. Её мужем стал тот, кого избрало её сердце: Абдулкадыр из семьи Абдулгамидов. С ним она и создала семью. Род Абдулгамидовых в селе считался зажиточным и благородным родом. А через некоторое время после того, как Абдулкадыр и Сакинат поженились, произошла революция. Всё, что было дома, – имущество, коров, лошадей, овец – всё пришлось отдать в колхоз. Ничего не было оставлено семье, кроме посуды и тех постельных принадлежностей, которыми пользовалась сама Сакинат. Вот так в одночасье обнищала её некогда богатая семья. Тем не менее Сакинат вырастила, ни на что никому не жалуясь, четверых маленьких детей. Когда после старшего сына Абдулгамидов родился Хасбулла, у неё не было даже куска ткани, чтобы укутать младенца в колыбели. Тогда Сакинат разорвала свою чёрную накидку на пять частей, и они послужили малышу пеленками и одеяльцами, пока он не подрос. Когда в доме бывало холодно и голодно и нечего есть, Сакинат ни у кого ничего не просила. Как и все, она работала в колхозе, что-то зарабатывала и жила так же, как и другие. Её муж Абдулкадыр, знавший лучшие времена, нелегко переносил тяготы жизни. Его отца и двух старших братьев раскулачили и выгнали из села. Больше они в село не вернулись, потерявшись бесследно, – ни единого письма не получили от них родные. И только Абдулкадыр благодаря отцу Сакинат остался в родном селе. Её отец был умным человеком. Уже арестованного и приговорённого к ссылке в Сибирь Абдулкадыра благодаря хлопотам тестя вернули из Махачкалы в село. Однако к новой жизни, к колхозному устройству, к новому укладу и властям Абдулкадыр привыкнуть так и не смог. Возможно, что он прожил бы недолго, но помогла его родная, любимая супруга Сакинат. Не смирился с новой жизнью и отец Сакинат. Вскоре старик ушёл из жизни. Чтобы Сакинат не осталась одна с детьми, Абдулкадыр, уже не имея интереса к жизни и к миру, скрыв свои тяжёлые думы и печали, всё же продолжал жить.

Старшего сына, который носил имя деда по отцу – Абдулгамид, в 1937 году забрали в армию. Не успел он вернуться, как началась Великая Отечественная война. Хасбулла и Амирбег, младшие сыновья Сакинат, добровольно ушли на фронт. Начались тяжёлые, тревожные военные дни. Семья ждала писем, но ни от кого из сыновей не было весточки. Абдулкадыр каждый день вставал рано утром, садился на большой камень у ворот и долго вглядывался вдаль, где терялась ведущая в село дорога. 1941 году, в один из осенних дней утром жена нашла его бездыханное и остывшее тело. В ожидании сыновей сердце отца остановилось...

С того дня, как началась война, Сакинат не получила от своего старшего сына ни одного письма. От младших сыновей пришли «чёрные письма»: от Хасбуллы в 1941 году – из-под Москвы, от Амирбега в 1942 году – из Сталинграда. А зимой 1943 года младшая дочь Аминат замерзла, заболела и умерла. На земле не осталось ничего, на что надеялась и о чём мечтала Сакинат. После смерти дочери она не прожила и двух месяцев... Опустел большой дом, превратившись в руины.

Старший сын Абдулгамид, единственный из большой семьи оставшийся в живых, в 1947 году вернулся в село, пройдя через все невзгоды войны. В тот период родной дом представлял собой печальное зрелище. Кому понадобились, те и забрали красивые окна и двери опустевшего дома. Глиняный кров без присмотра протекал, все балки успели сгнить, крыша провалилась внутрь.

Чёрные письма с фронта от обоих братьев хранились у двоюродной сестры Умукурсум. Могилы отца, матери и сестры, без присмотра, заросли травой. Прочитав молитву на их могилах, Абдулгамид решил навсегда покинуть село. Но, когда дошёл до ворот своего дома, передумал. Дубовые ворота стояли по-прежнему крепко. Ведь он жив на земле! Да разве можно навсегда закрыть эти ворота? Нет, такого сердце Абдулгамидов принять не могло. Он решил

остаться в селе и восстановить родительский дом. Сейчас он уже был не сыном раскулаченных родителей, а участником Великой Отечественной войны, который своими ногами прошёл все фронтовые дороги. Он воевал в Белоруссии в партизанском отряде и вернулся с тремя медалями на груди.

С помощью колхоза Абдулгамид организовал в своём доме два субботника. В первое время, чтобы было где жить, отремонтировал пол и потолок одной из комнат, стены помазал раствором глины. Единственная оставшаяся в селе родственница, Умукурсум, дочь сестры отца, после смерти Сакинат забрала всю домашнюю утварь, а теперь вернула всё в дом двоюродного брата. Потом Умукурсум засватала ему Абидат.

Абидат была старшей из трёх дочерей, оставшихся с больной матерью – их отец не вернулся с фронта. Самую тяжёлую часть маминых забот девушка с детства брала на себя и, чтобы младшие сестры не оставались голодными, работала днём и ночью. Умукурсум понимала: для счастливой и благополучной жизни двоюродному брату нужна именно такая расторопная жена. Абидат отличалась не только расторопностью, но и красотой. Не прошло и двух месяцев, как Абдулгамид женился. Летом он работал в колхозе, а зимой уезжал на заработки в Баку. Абдулгамид работал хорошо, старался, чтобы дома был достаток. Хорошо работала и Абидат. Постепенно супруги совместными усилиями восстановили дом Абдулгамиды в том изначальном виде, каким он был при родителях нынешнего хозяина. Снова появились большие сараи, где хранилось сено для множества коров и овец. Чтобы содержать в образцовом порядке и чистоте четыре большие комнаты, широкую веранду с пятью столбами, красиво уложенный камнями двор, Абидат приходилось без усталости трудиться днём и ночью. Помимо домашних дел она работала в колхозе, не отставая от других. У Абидат не было никого, кто мог бы присмотреть за детьми. Сестры тоже были замужем, у них были свои хозяйства и свои хлопоты. Мама трёх сестер, перенёсшая тяжёлые невзгоды войны, уже два года как умерла. Поэтому маленькие сын и вторая дочь оставались под присмотром старшей – Сакинат.

Хотя Сакинат и не участвовала в играх сверстников, домой ей не хотелось. Не было скучно на прогулке ни привязанному за её спиной братишке Хасбулле, ни малышке Аминат, которая потирала покрасневший от осенней прохлады нос.

Между тем небо, закрытое облаками, потемнело. Послышались голоса матерей, созывающих детей домой. Не наигравшиеся дети, перед тем как откликнуться на материнский зов, договорились продолжить игру на следующий день после школы.

В очаге горел огонь от кизяка, и от этого огня в комнате веяло теплом. От лампы шёл уютный свет. Дома у многих сверстников Сакинат для растопки камина была лишь солома, а для освещения комнаты использовалась коптилка. Отец и мать Сакинат, работая не покладая рук, сами, без чьей-либо помощи, подняли благосостояние семьи до такого уровня.

Мама посадила на колени маленького Хасбуллу. Девочки вышли на веранду, помыли руки, поливая друг другу из медного кувшина, и вытерли ладошки полотенцем, висящим на гвозде возле дверей.

Когда они вернулись в комнату, мама уже стояла возле очага, снимая с огня медную кастрюлю на трёх ножках, полную супа. Дети любили его – с мелким хинкалом, сочным рисом и вкусной картошкой.

Сакинат взяла медный половник, налила в глиняную чашку горячий, исходящий паром суп. С поставцов для ложек, висящей над шкафом для посуды, взяла три деревянные ложки, а стол подвинула к тёплому очагу. На другой полке лежали кастрюли. С самой большой из них девочка взяла круглый хлеб и, разделив его на три части, положила возле чашки с супом. Мать, держащая на коленях сына, и обе сестры поели с одной большой чашки.

После еды мать заново приготовила колыбель для братика. Сакинат помыла посуду, уложила ложки в поставцы, чашку положила в шкаф. Кастрюлю с оставшимся супом отнесла в холодную комнату.

Помня о своей обязанности приготовить на ночь постель для всей семьи, Сакинат сняла войлочные тапочки и взобралась на тахту и приготовила постель, постелив матрац и подушки. В скором времени Аминат начала сонно тереть глаза, и старшая сестра помогла ей снять тапочки и раздеться. В белой нижней ситцевой рубашке в цветочек Аминатка легла спать. В колыбели уснул и братишка.

Мать принесла с веранды шерсть в сите. Устроившись поближе к ещё не остывшему очагу, она начала прясть из шерсти нитки. Она никогда не ложилась спать, пока не наполняла в каждую ночь целое веретено. Когда мама взялась за шерсть, Сакинат села готовить уроки. Хотя она и не участвовала в уличных играх сверстников, потому что должна была смотреть за младшими, но в школе училась лучше всех. Когда одноклассники ещё учили буквы, она уже читала Букварь, а некоторые буквы даже умела писать.

Небо то и дело озарялось вспышками молний. В небе грохотало, словно где-то били в горный барабан. С северной стороны надвигалась чёрная громовая туча, приближаясь к селу Шалда. Становилось темно, будто солнце раньше времени ушло с небосвода.

Недалеко на пастбище паслось стадо коров сельчан. Они пасли коров по очереди. Сегодня был черёд семьи Сакинат и их соседки Убайдат. Утром коров сопровождали на пастбище Аби-дат и соседка Паризат. До вечера коров пасли Сакинат, Амирбег – сын папиной двоюродной сестры Умукурсум, Убайдат и её двоюродный брат Али. Амирбег и Убайдат были одноклассниками: окончив шестой класс, они перешли в седьмой. Сакинат и Али тоже учились в одном классе, но на год младше: они перешли в шестой.

Когда дети увидели огромную грозовую тучу, они сначала испугались, а потом, определив безветренное место на восточной стороне горы, начали сгонять туда коров. Коровы, словно понимая происходящее, не стали утруждать юных пастухов и сами начали собираться там, где хотели дети. Собрав животных, дети, напуганные хлещущим холодной влагой ветром, громом и молниями, некоторое время стояли, не зная, что делать дальше. Грозовая туча подползала всё ближе к селу и к пастбищу с детьми и скотом. Гром, ветер и приближающийся шум ливня заглушали звук голосов.

Вытащив из мешочков принесённые из дома теплые вещи, все принялись одеваться. Убайдат извлекла из своего мешочка старый кусочек чабанского шатра. Дети решили спрятаться от дождя под ним. Амирбег и Али воткнули в землю чабанские палки, готовя убежище от дождя. Дети действовали молча, без подсказки, зная, что делать. Пока мальчики укрепляли в земле палки, Сакинат и Убайдат разыскали и принесли каждая по два камня. Пока до них не добралась гроза, девочки торопливо подготавливали укрытие, где можно было сидеть вчетвером, прячась от дождя. Закрепив палки в земле, дети накрыли их сверху брезентом и, чтобы его не унёс ветер, решили держать его изнутри с четырёх сторон. Когда укрытие было готово, юные пастухи забрались внутрь. У одной стороны самодельного убежища, спиной друг к другу, на камни сели оба мальчика, у другой расположились девочки. Брезентовый «потолок» над их головами был достаточно высок, края его с обеих сторон доходили до земли, и дети были укрыты от непогоды.

Как только юные чабаны успели спрятаться, по брезенту шумно застучали капли. На землю обрушился настоящий ливень! Раскатыстый гром прошёл по горам, вспышки молний резали глаза и освещали всё кругом ярче, чем днём. У тех, кто прятался под брезентом, создавалось ощущение, будто наступил конец света. Хотя Амирбег и Али храбрились перед девочками, но всё же так испугались, что не могли вымолвить ни словечка; ни кровинки не было в их побледневших лицах. Если рядом не было бы девчонок, они могли даже заплакать, но девочки находились рядом, и мальчики должны были сидеть молча и смело, как джигиты. Впрочем, их непрочная храбрость готова была дать трещину и «промокнуть». Окончательно испугав-

шись, Убайдат начала всхлипывать. Ослепительно сверкнула молния. Град величиной с куриное яйцо начал барабанить в брезент, прямо у них над головой. У напуганных мальчиков не было никакого желания утешать плачущую Убайдат. В этой ситуации самая младшая среди них, Сакинат, внезапно проявила себя самой старшей.

– Замолчи, дурочка! – прикрикнула она на Убайдат. – Сегодня первый раз увидела дождь с градом, что ли? Была бы ты сейчас дома – всё прошло бы спокойно, а дома или здесь – какая разница? Зачем плачешь? Твой плач и нас пугает. Держите брезент, – приказным тоном обратилась она ко всем, – чтобы ветер не унёс. На нас даже капля дождя не упала, по голове град не бьет. Если коровы не разбегутся, с нами ничего не случится, – продолжала Сакинат, не ощущая ни малейшего страха.

Ободрённые её словами, ребята успокоились. Убайдат перестала всхлипывать. Гроза меж тем набирала силу. Гром рокотал почти непрерывно, вспышки молнии, казалось, озаряли землю ярче, чем солнце. Сакинат не было до грозы никакого дела. То и дело приподнимая край брезента, она с интересом выглядывала наружу, осматривая открывающуюся картину, словно понравившийся фильм, и периодически проверяла, где скотина. Коровы стояли на прежнем месте.

Под ногами сидящих струились ручейки дождевой воды, а вокруг рукотворной палатки образовались кучки градин. Когда Сакинат приподнимала край брезента, град катился под ноги. Дети стали совать чистые градинки в рот и сосать – они им казались сладкими, словно кусковой сахар, и таяли во рту.

Наконец ветер угнал грозовую тучу в южную сторону. Градины, стучащие в брезент, превратились в капельки дождя.

Через некоторое время дождь прекратился. Дети выбрались из-под брезента и, оглядевшись, увидели, что зима будто пришла заново: всё вокруг, насколько хватало глаз, было покрыто толстым слоем града, похожим на снег. Всё стало белым, будто зимой! В воздухе тоже похолодало. Солнце закрылось белыми холодными облаками, небо нахмурилось. Шум рек, образовавшихся после дождя, мешал услышать что-либо ещё. Поднялся пронизывающий холодный ветер, от которого дети быстро продрогли.

В скором времени, беспокоясь за детей, на пастбище прибежали родители. Абдулгамид и Манап, отец Убайдат, остались пасти коров, а детей с матерями отправили домой.

Тучу уносило ветром прочь. И пастбище, где сельчане пасли скот, и дорога, по которой шли дети, и село попали под град. Вся местность вокруг оказалась белой!

На горе с южной стороны напротив села находилось место, куда почти при каждой грозе обязательно попадала молния. Нынешняя непогода не стала исключением: от удара молнии на склоне образовался чёрный след.

– Посмотри-ка, – сказала Паризат, – сегодня грозовая молния ударила в эту гору, и от её огня осталась дуга.

Все, шедшие домой, обернулись туда, куда указывала Паризат, кроме Амирбега, который смотрел прямо перед собой. Ему не хотелось даже поворачивать голову к той горе, куда часто била молния. Семь лет тому назад на этой горе молния попала в отца мальчика...

До начала войны последнюю свадьбу в селе Шалда сыграли Умукурсум и Омарасхаб. На этой свадьбе первый и последний раз вышла на танец бабушка Сакинат. В свете луны и огня от кизяка она станцевала со своим мужем Абдулкадыром один-единственный танец в своей жизни, когда выводили невесту из родительского дома. Единственная оставшаяся в селе родственница – сестра мужа – назначила Сакинат сопровождающей невесты.

Несколько лет до начала войны были самыми счастливыми в жизни Сакинат. Как и все сельские ребятки, росли её трое детей, а самая младшая дочка украшала жизнь семьи. Гордясь подрастающими детьми, муж Абдулкадыр был доволен своей жизнью. У каждого человека поступки, как правило, согласуются с его душевным настроением, от которого нередко и зависят.

Свадьба Умукурсум была сыграна в то время, когда в душе у Сакинат царили мир и добрый настрой. В свадебном кругу стояли и двое её сыновей... Старший, Абдулгамид, с достоинством нёс службу в армии. И сейчас она могла равноправно жить среди односельчан.

Меньше, чем через месяц после свадьбы, Омарасхаба забрали на фронт. Молодая жена Умукурсум, недолюбив, в тяжёлые военные годы трудилась в колхозе и у себя дома, выполняя всю необходимую работу, и ждала мужа с войны. И вот в холодном феврале сорок пятого года на костылях вернулся с войны Омарасхаб.

Когда Умукурсум узнала о возвращении мужа и о том, что Омарасхаб не может добраться домой, она сама явилась за ним в районный центр, пешком одолев семьдесят километров по снежным сугробам. Увидев, что муж не может самостоятельно дойти до села, она отправилась напрямик к военному. Военком, ни слова не говоря, отдал ей коня, чтобы она забрала мужа в село. Они оба – муж на коне, а она пешком – за двое суток достигли села. Чтобы не замерзнуть морозными ночами, они укрывались в колхозных стогах сена, которые встречались по пути.

Больше года Омарасхаб ходил на костылях и ничего больше делать не мог, кроме как выходить на улицу и обратно. Постепенно здоровье его восстановилось, ноги набрали силу. Не сумев найти другую работу, он стал пасти колхозную отару овец.

Пройдя безжалостный огонь войны и оставшись в живых, он был настигнут молнией в горах. Каждый раз, возвращаясь из гор в село, Омарасхаб – черноглазый, с большими чёрными усами – приносил домой овечий сыр. Сакинат не могла поверить, что его уже нет в живых. Не могла и не хотела привыкать к этой мысли. Однако при виде вытирающей слёзы мамы и грустного, старающегося не плакать Амирбега ей тоже было трудно удержаться от слёз. Начиная с этого дня шестилетний Амирбег осознал себя старшим в семье и взвалил на свои плечи мужские заботы.

На склоне горы, где убило молнией Омарасхаба, росла хорошая густая трава. Хотя во время дождей молнии часто били в это место, летом каждого года там паслись две колхозные отары. Летними ночами на этой горе, как звёзды на небе, были видны огни чабанских шалашей. Сейчас там, на склоне, покрытом крупными белыми градинами, видна была только чёрная, сожжённая грозovým огнём земля.

Амирбег был похож на своего отца. У него, как и отца, были чёрные глаза и волосы. Своими глазами цвета ночи он часто, сам того не замечая, тепло смотрел на Убайдат. И сейчас, не желая поворачиваться к сожжённой горе, он смотрел на Убайдат, которая шагала рядом. Тайну их взглядов знала одна Сакинат. О том, что это так, Амирбег и не подозревал.

Для Сакинат он был как брат. Амирбег носил имя младшего брата отца, который погиб на войне. Его тайну, как тайну своего брата, Сакинат хранила как свою и никому не раскрывала.

Если случалось так, что сына не было в селе во время грозы, Умукурсум не находила себе места. И теперь она, не дождавшись его появления, вышла из дома ему навстречу. Они встретились на окраине села. Умукурсум и теперь носила траурную чёрную одежду.

* * *

Холодный свет зимнего утра едва освещал окна. В сонной тишине комнаты можно было услышать лишь дыхание спокойно спящих братьев и сестры. С улицы доносился скрип снега под ногами – перед домом проходила дорога, по которой женщины носили воду. Хотя Сакинат уже давно проснулась, ей совершенно не хотелось вылезать из-под теплого стёганого одеяла, и она лежала тихонько, ожидая, пока мама не позовет. Девочка знала, что снег шёл со вчерашнего полудня и не прекращался всю ночь. Очищать крышу от снега было обязанностью Сакинат и Аминат. Эту работу сестры выполняли уже несколько лет, каждую зиму.

Абидат давно встала и очистила от снега двор, лестницу и место перед воротами. Если бы она после этого сама полезла очищать крышу от снега, то не успела бы вовремя покормить коров. Она разбудила девочек:

– Сакинат! Аминат! Вставайте, мамыны золотые! До того, как в школу пойти, надо снег с крыши убрать. Нельзя его там оставлять! Все сельчане давно с крыш снег скидывают, мы одни спим до сих пор. Вставайте, родные, без вас я с работой никак не управлюсь.

Зная, что нужны маме, девочки заторопились. Не топлённый с ночи очаг остыл, в комнате было зябко. Сестры быстро оделись потеплее, вышли на веранду. В комнате остались двое спящих братишек – для участия в таком ответственном деле они были ещё слишком малы.

Во дворе девочек ждали деревянная лопата и березовый веник. Попросив маму подержать лестницу, девочки взобрались на крышу. Хотя мама и говорила, что жители села давно на крышах, обе девочки не отстали от них. Начав с края крыши, Сакинат начала лопатой скидывать снег за дом. Снег покрывал крышу слоем в половину длины деревянной лопаты. Скинуть всю эту массу за дом было делом нелёгким. Аминат подметала веником места, очищенные от снега старшей сестрой.

Дом, где жила Сакинат, был построен на возвышенности. Он стоял на краю села отдельно от других жилищ, отсюда были видны дома односельчан, расположенные ниже.

Засунув подмышки замерзшие пальцы, Сакинат подняла голову и посмотрела кругом. И буквально онемела от красоты, открывшейся перед ней! Солнце ещё не вышло из-за гор. Цепочка горных вершин, словно соревнующихся по высоте, озарялась багровым отсветом, будто за их спинами пылал огромный костер. Всю местность вокруг села покрывал снег, на который невозможно было смотреть – пронзительная белизна резала глаза. Кроме людей на крышах, всё кругом было белым. Горы со стороны захода солнца порозовели от первых солнечных лучей, падавших на крутые склоны. Кругом была удивительная чистота – холодная чистота, которую нельзя было увидеть больше нигде. Холодный воздух свободно доходил до лёгких. У тех, кто смотрел на это великолепие, невольно возникало желание взлететь. Действительно, вот бы взлететь за эти горы! Пока поднимается солнце, подлететь бы к нему поближе – или хотя бы проверить, возможно ли это. Сакинат знала, что подобные мечты неосуществимы, но мечтать ей никто не мешал. Сельчане, занятые своей работой, не замечали ни чистоты, ни красоты вокруг. Снег стал для них дополнительной заботой, которая прибавилась к каждодневным делам. К этой красоте все привыкли, красота уже стала обыденной.

Звук из радиоприемника, который был прикреплен к столбу возле сельского годекана, оборвал мысли Сакинат. Московский диктор, проснувшись, бодрым голосом рассказывал всей стране последние новости. Все эти новости были весьма далеки от жизни людей, живущих в горном селе. Сакинат надела рукавицы. От работы её ноги и руки согрелись, лицо заалело румянцем. Снег не заканчивался. Новости по радио завершились, и послышался новый голос, который начал считать: «раз, два, три, четыре», предлагая народу сделать зарядку. Создавалось ощущение, что далёкий радиоголос смеялся над людьми, которые очищали снег. Никому из них в это время никакая зарядка была не нужна.

Молодежь, завершив работу, начала подшучивать друг над другом. Некоторые крыши были соединены между собой так, что люди могли, не спускаясь, зайти друг к другу в гости. На глазах Сакинат и Аминат молодежь затеяла игры. Ребята принялись сбрасывать друг друга в сугробы снега, образовавшиеся за домами. Свалившиеся заново поднимались на крыши и стремились отомстить шутникам. Среди весёлых возгласов юношей, затеявших игры, слышались высокие голоса девушек, наблюдавших за ними. Когда парни с верхнего квартала, чьи дома стояли отдельно друг от друга, устали от этой игры, то принялись кидать снежки в ребят, находившихся на крышах нижнего квартала. Их крики и смех заглушили звуки радио. Жителям нижнего квартала было несподручно кидать снег наверх. В основном на крышах собрались школьники, и шутки начали превращаться в ссоры. Тогда на свою крышу поднялся уважаемый

в селе учитель Гаджимурад Магомедович. Он пожурил ребят с верхнего квартала, затеявших всю эту чехарду.

– Хватит уже! Время идти в школу. Быстро заканчивайте свою работу!

В селе не было никого – ни молодого, ни старого, – кто мог бы послушаться учителя. Ребята тут же перестали баловаться и продолжили свой труд, на этот раз тихо, а кто успел скинуть снег, потихоньку исчезли с крыш. Вернулись домой и обе сестры. К этому времени в очаге уже горел огонь, в комнате потеплело. Старшему брату Хасбулле хотелось отодвинуть от себя трёхлетнего брата Абдулкадыра таким образом, чтобы тот не заплакал. Каждое утро, когда Хасбулла собирался в школу, малыш плакал, желая, чтобы старший взял его с собой.

Абидат посадила детей кушать. На завтрак она приготовила кашу из пшеницы, перемолотой в ручной мельнице. Дети кушали из одной миски, макая ложки с кашей в масло с урбечом, чашка с которым стояла посреди стола.

* * *

Лето. Время, когда осуществляются мечты и желания, загаданные весной. Быстрая весенняя вода мутных горных рек впадает в море и становится чистой и свежей. Время, когда склоны гор покрываются цветами, и гуще становится трава. Время, когда в природе теряется звонкая красота, тонкость и нежность весны, а вместо него появляется решительность, мощь, большая сила.

На землю пришло новое лето, чтобы на горных лугах поднялась трава, поспела пшеница, посеянная людьми весной, созрели фрукты на деревьях, которыми наелись бы люди, чтобы птицы вырастили птенцов и научили их летать, чтобы ягнята стали молодыми барашками, телята превратились в бычков, и чтобы земля и все, кто на земле, тоже выросли ещё на один год.

По узкой тропинке за травой шли шесть девочек, лёгких, как птички, и переговаривались между собой. Поношенные от постоянного ношения, платьица из атласа, бумазеи и сатина выглядели чисто и опрятно. На головах красовались разноцветные маленькие платочки. Из-под платьиц были видны штаны из тёмно-синей ткани длиной чуть ниже колен, чулки и резиновые калоши.

По пути девочки слушали сказку, которую рассказывала Сакинат. Чтобы сказка слышна была всем, они попросили идти Сакинат посередине их маленькой группы. Она рассказывала подругам про аргонатов, которые пришли в Колхиду, чтобы добыть золотое руно. То, что Ясону, пришедшему из чужой страны, Медея с Кавказа помогла забрать из её страны золотую баранью шкуру, никому из них не нравилось. Когда же Ясон охладил к Медее, и попросил её покинуть его страну, девочки сошлись во мнении, что Медея достойна такой расплаты. Сказку о том, как Медея отомстила Ясону, они услышать не успели, потому что дошли до места, где собирались косить траву. Было решено дослушать сказку на обратном пути.

До обеда было ещё далеко. Не успевшая высохнуть роса блестела на траве. Небо стало чистым и синим. Вершины высоких гор, будто столбы, подпирающие небесную высь и бесконечными рядами уходящие вдаль, терялись в синей дымке. Ниже поляны, где девушки косили траву, в ущелье глубиной в два – три километра протекала река, и гул её, если прислушаться, можно было уловить даже на вершине горы. Река была полноводной оттого, что летняя жара растопила снега и льды на вершинах высоких гор.

Девочки косили серпами на горных лугах высокую спелую траву, соревнуясь между собой, кто справится быстрее.

Аслимат, которая училась с Сакинат в одном классе, не была передовицей и даже в косьбе отставала от сверстниц; лицо и фигура её не отличались красотой, зато она обладала красивым звонким голосом. Голос достался ей в наследство от отца, знаменитого певца. И если Сакинат

умела хорошо пересказывать сказки, которые она читала в большом количестве, то Аслимат так же хорошо умела петь красивые песни. Она не хотела скрывать свой талант, чтобы все слушали только Сакинат. Аслимат сначала тихо, потом громче начала петь:

Я листочек дерева высокого,
Аленького мака я цветочек.
Я твоя невеста ясноокая,
Это так, и говори, что хочешь.

По тому, как замирало всё кругом, словно прислушиваясь к голосу девочки, создавалось ощущение, будто горы влюбились в звуки дивной песни. Да и траву косить с песней было намного легче и веселее. Эхом отдаваясь в горах, песня, казалось, взлетала ещё выше и оттого звучала ещё прекраснее. Аслимат сменила несколько мотивов. Исполняла она их один лучше другого. И слова для песен она умела находить подходящие. Чем учить уроки в школе, она предпочитала петь песни и умела это делать очень хорошо.

К тому времени, когда девочки связали вязанки трав, Аслимат не успела сделать и половины работы. Сакинат сердилась на неё из-за того, что одноклассница не только не успевала выполнять работу наравне с подругами, но и не очень к этому стремилась. Шустрая Марьям взялась помочь голосистой подруге. Другие девочки тоже подключились, и вскоре вязанка травы для Аслимат был собрана. Сакинат и Убайдат сегодня особенно огорчились её лени. Положив на тропинку свои ноши – большие травяные вязанки, – обе девочки стали ждать подружек.

– Ну что это за человек Аслимат? И вчера мы скосили траву для её вязанки! Она что, хочет, чтобы мы ей за песни косили траву? – в сердцах сказала Убайдат.

– В школе ей лень учиться, я её тащу в школе за собой, и здесь придётся тащить, нам ничего не остается делать? Если ей не стыдно так поступать, мы ничего не сможем с ней сделать, – заметила Сакинат.

– Я тоже так думаю. Но сегодня я торопилась, чтобы не отстать от других, и устала. По этой причине я не смогла помочь Аслимат, – сказала Убайдат, чувствуя угрызение совести, что ей не удалось поучаствовать в совместной помощи подруге, несмотря на то, что она понимала причину, из-за которой Аслимат не успела накопить себе травы.

Закончив косьбу, девочки крепко связали большие вязанки. Аслимат смотрела на них и улыбалась – ей явно ничуть не было стыдно.

Время подходило к обеду, когда уставшие, вспотевшие девочки одолели половину пути до села. Добравшись до родника с холодной водой, они спустили свои ноши на землю. На большом камне, возле весело струившейся прозрачной воды, они оставили еду, когда пошли косить. Теперь все изрядно проголодались и готовы были наброситься на пищу.

Место, где они остановились, представляло собой равнину между двумя горами. Казалось бы, здесь не могла появиться вода, однако родник, выходящий прямо из-под земли, протекал здесь всегда, даже в период засухи. Родничок был мал и занимал место не больше метра. Вокруг него, словно радуясь влаге, росла на полянке густая трава. Вода никогда не поднималась и не опускалась, это можно было заметить по земле вокруг родника. Как в зеркале, в роднике отражалось светло-голубое небо.

Поливая друг другу на руки из алюминиевой кружки, кем-то оставленной возле родника, девочки помыли руки и умыли покрасневшие от солнца лица. Выложили на чистую салфетку хлеб с сыром и с аппетитом принялись утолять голод.

После трапезы подружки растянулись на траве. Кроме них на лугу не было ни души. Домой возвращаться не хотелось.

– А пойдёмте вниз к речке, искупаемся, – предложила бойкая Марьям. Она была среди них заводилой.

– Идемте, – сразу согласилась Аслимат. В их маленькой компании не оказалось никого, кому не понравилась бы идея. Прежде, чем отправиться к реке, девочки сняли калоши и чулки и оставили возле камня, где трапезничали.

Быстро спустившись по склону горы, они достигли реки. И двинулись по мокрым скользким камням, наступая на них осторожно, чтобы не упасть. Наконец они приблизились к водопаду. Здесь не было прямого пути, чтобы спуститься к тому месту, где можно было окунуться. Девочки обошли небольшой каменный бугор, наступая босыми ногами на согретую солнцем щебенку. Водопад с трёх сторон окружали горы, безмолвные стражи, укрывающие могучими плечами стеснительных горянок, которые надумают искупаться в реке, чтобы никто не увидел их красы. По краям речки росли лопухи – под их большими листьями можно было укрыться от дождя. Скалы сузили в этом месте ложе реки, и воды в ней было много, а быстрое течение могло бы унести даже теленка.

Сняв верхнюю одежду, девочки бросили её на большие лопуховые листья. Когда, раздеваясь, дошли до нижних ситцевых рубашек, посмотрели друг на друга и остановились в нерешительности. Им никогда не приходилось видеть голыми самих себя, и они стеснялись друг друга. Самая шустрая, Марьям, первой отстегнула пуговицу на воротнике нижней рубашки. Со смехом скинула последнюю одежку, бросила на траву и, раскинув руки в стороны, чтобы не упасть, бросилась в горную речку. За ней последовали остальные. Весело брызгая друг на друга и смеясь, подружки двинулись к небольшому водопаду. Они уже не были маленькими детьми, но и девушками ещё не стали, а потому желание игры ярко и живо выплёскивалось из них, и река, лопухи, небо и горы внимали весёлому девчачьему смеху. Если бы за ними сейчас наблюдал кто-нибудь из повидавших жизнь, то увидел бы, что движения девочек дышали стыдливостью, чистотой и отсутствием греха. Вода в речке была холодная. Ледяные брызги вызывали в теле дрожь. Марьям и Убайдат, самые торопливые, раньше всех оказались под водопадом.

– Скорее сюда! Здесь вода теплее! – кричала Марьям. От шума низвергающихся потоков её голосок не был слышен. Аслимат, как обычно, и здесь отстала от подруг. Ближе всех к ней находилась Сакинат.

Внезапно Аслимат поскользнулась обеими ногами и с криком рухнула на спину. И потерялась в речке. На поверхности воды были видны её руки, которыми она размахивала, а река уносила её вниз. Девочки замерли от испуга и молча смотрели на нее, не в силах пошевелиться. Сакинат бросилась за ней. На скользких донных камнях она и сама легко могла поскользнуться и упасть, однако через три шага догнала Аслимат и схватила её одной рукой за длинные косы, плавающие на воде. Сакинат старалась удержаться на ногах в несущейся и бурлящей воде. Ей удалось нащупать место для частичной опоры. Наконец девочка почувствовала под ногами землю, и в это время подросли подруги.

От сильного испуга Аслимат дрожала и не могла вымолвить ни слова. Происшествие испугало всех. Потихоньку они стали приходить в себя. Держась за руки, подружки с осторожностью, не торопясь, добрались туда, где начинался водопад.

Горная вода потоком спадала с двухметровой высоты и, нагретая солнцем, чуть ниже вливалась в речку. Скалы вокруг безмолвно и бесстрастно взирали с высоты.

Все помалкивали, никого не тянуло на смех и шутки. Они получили достаточное удовольствие от воды и солнца. Девочки вместе вышли из реки, оделись.

По пути домой они договорились ничего не говорить родным о случившемся.

* * *

В восьмом классе химия и биология стали для Сакинат любимыми предметами. Для этого была своя причина. Эти уроки вёл молодой учитель Ахмед Гаджикурбанович, который окончил в Махачкале педагогический институт и вернулся в родное село работать в школе.

Он был сын брата директора школы Гаджимурада Магомедовича. Мама Ахмеда Гаджикурбановича умерла, когда ему было пять лет, а отец не вернулся с фронта. Мальчика взял к себе родной дядя и стал растить вместе со своими детьми. Но в пятом классе сироту отдали в детдом, посчитав, что там ему будет лучше, чем дома.

Светлолицый, с глазами цвета весеннего неба, прямыми и густыми волосами светло-рыжего цвета, Ахмед Гаджикурбанович, казалось, явился в село Шалда из другого мира. Он первым стал ходить по сельским улицам в городском костюме и в туфлях. Когда шёл дождь, он всегда носил над головой чёрный зонт. Чисто разговаривал на русском языке, доходчиво объяснял детям урок. Кроме биологии и химии, которые он преподавал, прекрасно знал и литературу.

– Я любил литературу, но стране более нужны были химики и биологи, поэтому я изучил эти науки, – не раз говорил он детям.

Учитель Ахмед жил один в своем старом доме, занимая одну комнату, отремонтированную с помощью дяди Гаджимурада. У него не было своего хозяйства. Когда было нужно, он оказывал посильную помощь семье дяди Гаджимурада, а всё остальное время проводил в школе. Ахмед научил школьников играть в волейбол. Ежедневно до позднего вечера с площадки за школой разносились по селу крики детей, играющих в волейбол. Если мяч сдувался, новый приобретал всегда сам Ахмед. Сакинат завидовала мальчикам, которые могли себе позволить поиграть в мяч, и очень хотела тоже пойти на школьную площадку, но помнила: нельзя...

Ахмед Гаджикурбанович был классным руководителем восьмого класса. Ученики заслушивались его интересными рассказами о том, что происходило за пределами села, за рубежом. Учитель читал наизусть стихи Пушкина, Лермонтова. Советовал прочесть книги, которые читал он сам: «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Овод» Этель Лилиан Войнич, увлекательные сказки Жюль Верна, русскую классику... То, что было в школьной программе, и то, чего в ней не было, учитель давал прочесть ребятам.

Класс любил учителя. Все одноклассники Сакинат хотели хорошо учиться. Иногда классный час затягивался, потому что никак не иссякали вопросы учащихся к педагогу. Ахмед Гаджикурбанович не мешал никому из учеников высказывать свое мнение, наоборот, – учил их думать самостоятельно. Мысли и суждения, которые выражала Сакинат, учитель поддерживал. Его хвала подбадривала девушку. Каждый заданный урок она отвечала хорошо, однако молодой учитель никак не выделял её среди других учеников. Всегда говорил одно и то же: «Молодец», – ставил отличную оценку и продолжал урок.

Сакинат попросила маму сшить ей три новых платья. её обувь, которую отец привёз из города, была красивее, чем у одноклассников, но учитель Ахмед ничего не замечал. На всех девочек он смотрел с одинаковым безразличием. Однажды на празднике, когда он взглянул в лицо Аслимат, которая только что спела песню, у Сакинат похолодело сердце. Даже когда, забыв обо всем, они спорили о книге, которая нравилась им обоим, он ни разу не взглянул Сакинат в лицо.

Сакинат знала, что Аслимат в жизни не прочла ни одной книги. Выходя к доске, она и урок не отвечала, потому что не учила. Тем не менее преподаватели вытягивали её на «тройки». «Мама Аслимат – двоюродная сестра матери Ахмеда, поэтому он обращает на неё внимание», – успокаивала себя Сакинат.

Сакинат вступила в ряды комсомола. Против её вступления не выступил никто. Она и училась хорошо, при этом открыто высказывала свое мнение, не боясь споров. Её выбрали в комитет комсомола, хотя до этого ни разу не выбирали старостой класса. Ровесники относились к ней по-прежнему, старшие же не забывали, чьей дочерью являлась Сакинат. Она выполняла любую работу, как и все девушки села. Сакинат не показывала, что чем-то отличается от остальных. Но у неё была одна черта, которая словно говорила, что её обладательница красивее

и умнее прочих, и безмолвно давала понять: «что захочу – я смогу сделать». И хотя открыто никто ничего не говорил, но всегда оказывалось, будто кто-то ставил ей подножку.

На праздник в клуб собирались все жители села. Там передовиков труда, отличников учебы поимённо поздравляли перед населением директор школы и председатель колхоза. Прежде отец Сакинат на эти праздники не ходил, но, когда она с первого класса начала получать подарки перед всем селом за отличную учебу, стал приходить, чтобы видеть дочь и радоваться за нее. Сердце отца наполнялось гордостью, когда среди отличников учебы первым называли имя его дочери. Абдулгамид был убежден, что нет в селе девушки, которая стоила хотя бы ногтя его дочери. Аминат, его младшая дочь, тоже хорошо училась и тоже получала поздравления, сынок Хасбулла, который только начал учиться, был отличником, но то, что Сакинат была особенной, видели все.

* * *

Проходили дни, месяцы, годы. Хотя работе, которую выполняли сельчане, не было видно конца, в магазинах было все, что люди хотели купить. Мука, рис, сахар, ткани, одежда, обувь – все, что нужно, было в магазине. У кого были деньги – могли всё это спокойно приобрести. Те, кто работал в колхозе, не видел больших денег, зато за трудодни имел возможность подешевле взять с колхозного склада все, что необходимо для жизни. Пшеница, картошка, масло, сыр, сезонные фрукты – всё это всегда было на складе.

Семья Абдулгамиды колхозный склад посещала редко. Все, что необходимо к столу, они выращивали на своём огороде. Расторопная мама Сакинат вела хозяйство, как заведённые часы. Абдулгамид был участником войны и имел право на облегчённую работу, но, чтобы иметь возможность больше заработать для семьи, не стал в колхозе просить себе поблажек. Если бы он обратился к председателю колхоза и сельсовету насчёт легкой работы, и они бы ему отказали, гордый горец не смог бы легко им это простить. Поэтому, ни у кого ничего не прося, весной и летом он работал в колхозе, а зимой уезжал на заработки в Баку или Туркменистан. Он не забывал, какие трудности перенесли члены его семьи, но ничего никому не говорил. «Не будете меня трогать – и я вас не трону», – думал он и жил так, как считал нужным. Как бы то ни было, семья Абдулгамиды хорошо одевалась, нормально питалась и имела возможность приобретать в дом хорошие вещи. Абдулгамид поменял двери и окна, которые были установлены после войны, на новые, хорошие и красивые; первым в селе покрыл крышу шифером. Когда Абдулгамид и Абидаг только поженились, гостевая комната была пустая, как мельница; сейчас там стояли диван и две кровати, а стены и пол покрывали ковры. На сундуке лежали шерстяные матрасы, шёлковые стёганные одеяла и пуховые подушки. В доме у стены стоял ряд мягких стульев разных видов. В комнате, где жили супруги, Абдулгамид первым в селе установил харбукскую железную печь.

Сакинат и её сестрёнка Аминат уже не спали на одной тахте, как было в детстве. Девочки жили в отдельной комнате. У каждой была отдельная кровать, стулья и столы, чтобы делать уроки, шкафы для книг и одежды. В комнате сестёр тоже стояла железная харбукская печь. Стены украшал бакинский сатин в крупных цветах. Каждой весной Абидаг с помощью членов семьи белила известкой комнату, где топилась печь, и веранду – в результате помещения сверкали белоснежной чистотой. Сакинат, конечно, тоже принимала участие в ремонте – она каждую неделю мазала белой глиной швы между плитами на веранде и в обеих комнатах. В обновлённом доме стоял приятный глиняный запах. Абдулгамиду было известно, что люди, жившие в домах на равнине, выстилали пол досками и покрывали его краской, но сделать так же у его семьи пока не было возможности.

Когда в сельский магазин поступила швейная машинка, Абидаг приобрела её за шестьдесят рублей. Для семьи это были большие деньги, но вручную шить платя сельчанам женщина не успевала. Абидаг была прекрасной швеей, сельчане с удовольствием просили её сшить

им платья, костюмы, брюки. Людей, которые предпочитали платья, сшитые вручную, а не покупные, в селе становилось всё больше и больше, поэтому швейная машинка маме Сакинат была необходима. За шитьё одежды никто не платил, но сделанное ею добро никто не забывал.

Абдулгамид, работая в разных местах, освоил профессию каменщика. Сейчас ему не было нужды ездить на заработки, потому что было много работы в селе. Но за работу, которую мастер выполнял в селе, он брал небольшую плату, а бывало, что и вообще работал ради уважения. В отличие от других мест, среди жителей села не было зажиточных людей, которые имели возможность нанять работников на постройку дома. Все сельчане были учителями школы и колхозниками, работающими за трудовни.

Как в свое время мама Абдулгамиды научила своих детей Корану, так же и он выучил своих дочерей читать Священную книгу. Сакинат выучила арабский лучше, чем русский алфавит. Во время школьных каникул отец, приходя после работы, заставлял детей читать Коран в течение одного-двух часов. Уже к пятому классу Сакинат умела читать и писать арабские буквы так же, как и русские. Аминатке арабский алфавит давался трудно, но, тем не менее девочка тоже выучила буквы, а затем научилась читать и писать по-арабски не хуже старшей сестры. Их мама Абидат, не отставая от дочерей, тоже выучила арабский алфавит и научила девочек молиться. Однако родители не заставляли их делать намаз. Сакинат и Аминат нигде и никому не говорили, что изучают Коран. Абдулгамиду хотелось, чтобы его семья ничем не отличалась от односельчан и жила так же, как все. Никто в селе открыто не молился, народ жил так, как указывала партия.

Казалось бы, причин переживать у Сакинат не было никаких. Но душа девушки всегда была чем-то недовольна. Все школьные предметы ей давались без усилий, и она всегда получала отличные оценки. Домашние дела для неё тоже не представляли трудностей, хотя и удовольствия не доставляли никакого. Настоящую радость ей приносили только книги. Девушка читала запоем. Если ей попадалась по-настоящему интересная книга, Сакинат могла читать до утра, не сомкнув глаз. В магазинах, в отличие от прежних времен, керосина продавали сколько угодно, и не было необходимости его экономить. Аминат, бывало, жаловалась матери, что свет лампы, которую до утра не тушит Сакинат, мешает ей спать. Младшая сестра не разделяла страсти старшей к чтению и никаких других книг, кроме учебников, в руки не брала. И всегда говорила Сакинат, что она не маленькая девочка, чтобы сказки читать. Маме тоже не нравились книги.

– Наша старшая дочь зря проводит время, – жаловалась Абидат мужу, когда он бывал дома. – Всё время читает, даже сказки.

– Ничего не случится, в книгах никто не будет писать плохого, – успокаивал Абдулгамид жену. – Если она читает книги после того, как сделает все свои дела, что же в этом плохого?

Отец гордился, что его старшая дочь читает книги, в то время как в селе никто чтением увлечён не был.

Всё было хорошо, вот только Ахмед Гаджикурбанович по-прежнему не замечал, есть или нет на земле Сакинат. Перейдя в девятый класс, девушка стала уделять больше внимания своему внешнему виду. В школу она надевала платья, сшитые мамой. Отец привёз ей два шерстяных коричневых платья, таких же, какие носили девушки в городе, и Сакинат обрадовалась обновке. Такие же платья были подарены и Аминат, но младшая не хотела их чистить и гладить и продолжала ходить в школу в платьях, которые шила мама, как и другие сельские девушки. Сакинат очень шли платья школьной формы. Уже хорошо сформировавшуюся девичью грудь скрывали под платьем бретельки фартука, на изготовление которого был израсходован большой отрез ткани. Она уже не носила, как в детстве, штанишки ниже колен. Не скрывая красивых стройных ног, она поднимала чулки выше колен и носила туфли на высоких каблуках. В то время как многим сельским девушкам родители не имели возможности приобрести и одной пары туфель, Абидат купила своей дочери сразу две пары дорогой обуви – чёрного и бордового

цветов. Эти туфли долго лежали в сельском магазине – никто не покупал их, жалея отдавать за них немалые деньги. Что касается платка на голову, и тут Сакинат отличалась от сверстниц. Она не прикрывала волосы традиционным большим платком, как делали большинство сельчанок, а пользовалась маленькими платочками из шерсти и шёлка, которые, как пионерский галстук, повязывала на шею. Свои роскошные густые волосы девушка заплетала в толстую, как рука, косу и отпускала вдоль спины. Но что бы ни делала Сакинат – ничего не менялось.

Ахмед Гаджикурбанович её не замечал.

Однажды Сакинат специально опоздала в школу. Ахмед Гаджикурбанович, даже не взглянув на девушку, предложил ей сесть и продолжил урок, как будто ничего не случилось.

Каждый день, аккуратно заплетая косу, чистая и опрятная в белом фартуке, и в дождь и слякоть в чистой обуви, подготовившись на «отлично» ко всем урокам, Сакинат приходила в школу. Но увы – не получала со стороны Ахмеда Гаджикурбановича даже взгляда в свою сторону.

То, что творилось в душе у Сакинат, она не давала знать никому, даже сестре Аминат. Девушка постоянно думала о том, какие беседы могли бы проходить у них с Ахмедом. Они могли бы говорить о книгах, которые оба прочитали, об уроках, преподаваемых им, о городах мира, об астрономии, о космонавтах... Если у учителей начальных классов что-нибудь случилось, и они бывали вынуждены срочно уйти домой, урок для малышей поручали провести Сакинат. Она видела, что дети её слушаются, и сама знала, что способна доходчиво объяснить им урок. Один Ахмед Гаджикурбанович по-прежнему не смотрел на нее... Она никак не могла привлечь его внимание и не знала, как это сделать.

Сакинат очень хотелось вычистить дом Ахмеда до блеска, чтобы он стал уютным, как и её собственный дом, чтобы учитель не чувствовал себя приезжим, не чувствовал свою неустроенность. Она хотела видеть его равным среди жителей села. А он на годекане, где собирались взрослые люди, не появлялся и всё свободное время проводил со школьниками – играл с учениками в волейбол, баскетбол или футбол на площадке возле школы. В глазах Сакинат он вёл себя как человек, который ни о чём не думает и хочет легко прожить свою жизнь. Тем не менее она продолжала мечтать и строить планы. Позже, после обустройства дома и быта, думала она, они вместе могли бы поехать в Махачкалу, в Москву, в Ленинград, увидеть весь мир... Но эти мечты были из числа тех, которым не суждено исполниться. Никто не знал, что у девушки на душе. Даже её мама, которая знала многое.

* * *

Сакинат окончила десятый класс, сдав нелёгкие экзамены на «отлично». В её аттестате красовались только отличные оценки. Односельчан судачили меж собой, что Сакинат, скорее всего, после школы уедет продолжить учебу в Махачкалу. Но сама девушка пока ничего не решила. Родители её одноклассниц готовились после окончания школы выдать дочерей замуж. Сакинат не хотелось никуда уезжать из села, даже ради учебы. Никто не спешил её сватать. Да ей, кроме Ахмеда, никого и видеть не хотелось.

Было теплое июльское утро. Сакинат, Убайдат и Марьям отправились за водой. Встретившись, они долго ждали, пока появится Аслимат. По своему обыкновению та не торопилась и сегодня. Сакинат никогда не нравилось это ожидание. Не дождавшись Аслимат, подруги направились к роднику. По очереди наполнив кувшины, сели на траву.

– Доброе утро, девушки! Не знала, куда вылить воду из кувшина, поэтому опоздала, – подошедшая к ним Аслимат весело улыбалась. Её круглое лицо, всегда казавшееся Сакинат скучным и безжизненным, сегодня буквально светилось от счастья. Новое платье из зелёного шёлка с мелкими складками на талии подчёркивало её фигуру, голову покрывал большой старинный платок. Этот наряд удивительно шёл Аслимат, и она, явно зная об этом, не скрывала

хорошего настроения. Марьям вскочила, сорвала платок с головы Аслимат и отбежала в сторону.

– Поздравляю с женихом! Поздравляю с женихом! Без подарка платок не возвращается! – смеялась Марьям, размахивая платком над головой.

Аслимат даже не попыталась догнать её и отобрать свое имущество. Опустив рядом пустой кувшин, она с улыбкой села на траву рядом с Убайдат.

– Если ты не дашь подарок, я возьму его у Ахмеда Гаджикурбановича. А даром, без выкупа, платок всё равно не верну! – держа платок, Марьям подошла к девушкам.

Если бы Сакинат не сидела на траве, она могла бы упасть. Мир перевернулся перед её глазами, она молчала, не в силах вымолвить ни слова. Девушки не замечали её состояния, они смотрели на Аслимат.

– Дам тебе подарок, конечно, – пообещала Аслимат. – А вы можете и у Ахмеда взять подарок, он тоже даст. Отдай мой платок, Марьям, без платка стыдно будет вернуться в село.

– Подарок мой – платок твой. По-другому платок не вернётся, – твердо настаивала Марьям.

Аслимат достала из рукава своего платья десять рублей.

– Два килограмма шоколадных конфет вам за платок хватит?

– Хватит! Хватит! – Марьям выхватила из рук Аслимат десять рублей и кинула платок ей на колени.

Конечно, Аслимат ещё дома приготовила деньги, чтобы отдать как выкуп, если подружки отберут у неё платок. Этот обычай был скорее игрой, и девушкам не понравилось, что она так сделала, тем не менее Аслиматке никто ничего не сказал. Они ещё долго сидели на траве. Марьям всегда любила шутки, поэтому никто не удивился её проделке с платком. Аслимат ничего кругом не замечала от своего счастья. Что же касается Сакинат, несчастье заслонило от её взора весь мир. Ей не хотелось вставать, не хотелось идти домой. Она боялась, что, когда встанет, – ноги не удержат её на земле и все догадаются о её состоянии. Горы, освещённые солнцем, покрытые зелёной травой и яркими цветами, казались ей чёрными. Она молча слушала щебетание подруг, никак не участвуя в беседе.

Наконец Сакинат оказалась возле дома. У неё не было слёз, чтобы плакать. Как не было и возможности раскрыть перед кем-нибудь свою душу. Казалось, душа её остыла и утратила интерес ко всему.

От безысходности она принялась за повседневную работу по дому. Постирала одежду младших братьев, сделала уборку; затопив на веранде харбукскую печь, испекла хлеб из теста, которое замесила мама. Всё это девушка делала машинально, не зная, чем ещё себя занять, чтобы отвлечься от тягостных мыслей. Не видя вокруг ничего и никого – ни маму, ни сестру, ни братьев, за целый день она не притронулась к еде. Вечером Сакинат вышла загнать теленка, который был выпущен в поле пастись. Эту работу каждый день выполнял Хасбулла. Заметив, что поведение дочери почему-то изменилось, Абидат, ничего не сказав, отпустила её за теленком.

На траве, ещё скудной для летнего времени, паслось много телят. До захода солнца было ещё далеко, но на гору в том месте, куда села Сакинат, падала тень. В тёплом летнем воздухе уже чувствовалась прохлада, дул лёгкий вечерний ветерок. Сидя среди цветов и травы, девушка думала, что здесь её никто не видит и поэтому можно не скрывать горе, отягощающее её душу. Она не знала, что делать, чтобы избавиться от настигшего её несчастья. Все её детские мечты, которые она лелеяла не один год, разрушились в один миг. Ахмед, который был ей очень дорог, так и не обратив на неё внимания, выбрал спутницей жизни Аслимат...

«Не надо было мне тогда спасать её из реки, – промелькнула у неё горькая и смятенная мысль. – Пусть бы её река унесла... – Вы можете и у Ахмеда тоже подарок взять, – Сакинат снова вспомнила утренние слова Аслимат. – Легко же вчерашний учитель стал для неё Ахме-

дом! Ненавистница. Такую бестолковую разве выберет себе умный парень? Если бы выбрал Марьям, это ещё можно было бы понять. Что же мне теперь делать?». От осознания невозможности что-либо изменить, от безысходности Сакинат расплакалась. Всклипывающая и утирающая слёзы, Сакинат вздрогнула, когда внезапно раздался голос из-за спины.

– Что случилось, красавица? – рядом стоял высокий и красивый молодой человек и, улыбаясь, смотрел на нее. Будучи погружённой в свои мысли и переживания, Сакинат не заметила, откуда он появился.

– Ничего! – она вскочила. Не то что незнакомому молодому человеку, но даже самой себе гордая девушка не желала признаваться в своей безответной любви. Не бросив более на молодого человека ни единого взгляда, она быстро направилась к тому месту, где пасся её теленок. Отойдя достаточно далеко, она обернулась. Незнакомец стоял на том же месте и смотрел ей вслед.

Утром следующего дня Жавгарат, жена Раджаба, отправилась к семье Абдулгамида спросить, не согласятся ли они отдать Сакинат замуж за её сына Али. У Раджаба, который долгие годы работал председателем сельского совета, был единственный сын Али. Уже три года он учился в городе. Молодой человек наверняка успел повидать вдоволь городских красавиц, но, выполняя волю родителей, желающих, чтобы он женился на сельской девушке, решил отправить сватов к Сакинат. Он увидел её впервые, когда она, снедаемая горестными мыслями, сидела на склоне горы. Хотя Али не присмотрелся к лицу девушки, но внимание парня привлекла толстая чёрная коса, которая выглядывала из-под косынки.

Дорога в город для продолжения учебы была закрыта для Сакинат. Она не находила в себе ни сил, ни идей для того, чтобы как-то изменить ситуацию, и ничего не могла придумать. Тот, кто к ней собирался посвататься, был парнем, за которого вышла бы замуж любая девушка в селе. Раз Сакинат не суждено выйти за Ахмеда, ей было всё равно, чьей женой она станет. Сакинат приходилось повторять участь многих сельских девушек.

* * *

На большом и просторном дворе Абдулгамида кипели два чугуна, под которыми тихо потрескивал огонь, разведённый кизяком. Обе мамы сестры и папина двоюродная сестра Умукурсум стояли возле огня, «подкармливая» пламя кусками кизяка и снимая пену с кипящего мяса. Аминат и Сакинат, считая, что так и должно быть, со скромно опущенными головами, как и подобает горским девушкам, с утра ходили за водой с кувшинами, которые лудильщик довёл до блеска. Однако сколько бы сестры ни носили воду – дома её не хватало. Надо было заполнить большие кастрюли, чтобы сварить много мяса, а также вычистить и вымыть внутренности зарезанных к свадьбе баранов. Использованная вода тоже шла в дело: двоюродная сестра отца разбрызгивала воду во дворе и перед воротами, чтобы не поднималась пыль.

Мамины сестры приготовили колбасу из бараньей печени и поставили варить. Посуда, висевшая на стене в средней комнате, обычно оставалась не использованной. На этот раз и она дождалась своего часа: мамы сестры сняли посуду и стали готовить к использованию: помыли в горячей воде и разложили на салфетке, чтобы высушить.

Когда девушки натаскали нужное количество воды, они освободили от ненужных предметов стол в гостевой комнате, подготовив место, чтобы потчевать гостей. Хасбулла собрал стулья из всех комнат и расставил вокруг стола. Там, где не хватало стульев, устраивали скамью: клали доску на два стула и накрывали паласом, чтобы сесть за стол могли не только жители села, но и приезжие. Односельчан сажали на тахту, подложив подушки.

Парень, за которого сватали Сакинат, учился в городе. Его отец Раджаб сажал своих гостей за стол, вопреки обычаям села. А согласно традиции, гостей рассаживали на полу, на подушках, и потчевали на ковре. Исходя из этих соображений, родные невесты решили рас-

ставить угощения на столе. В доме Абдулгамида было приготовлено всё необходимое, чтобы достойно встретить гостей.

После всех хлопот с угощениями дошла наконец очередь и до приданого невесты. Умукурсум пристально изучала одеяла и подушки, которые лежали на сундуке в средней комнате, перебирая по одной каждую вещь.

– Эти шесть матрасов наполнены чистой шерстью, – говорила Абидат, показывая красиво сложенные постельные принадлежности. – Приходите завтра помочь закончить седьмой матрас. Все дают сейчас за дочерьми по шесть матрасов, а у меня только две дочери, и, если не дам чуть больше, люди упрекнут.

– Правильно, Абидат, – покивала головой Умукурсум. – Чтобы у нас чего-то да не хватило – такого быть не может, тем более по сравнению с другими семьями. Дадим приданого больше, чем другие. Если чего-то все-таки не хватает, я тоже помогу. Кому-нибудь из чужих можно не дать – нашей дочери надо дать. То, что есть, не пожалеем, а вот чего нет – найти не сможем. После того как скрупулёзный осмотр приданого был окончен, Умукурсум перевела дух и радостно улыбнулась.

– Надо было мне подождать с замужеством и выйти замуж сейчас, – проговорила она, смеясь. – Понимаешь, Абидат, когда ты выходила замуж, за невестой давали два матраса, наполненные сеном. Слава Аллаху, хоть нашим детям хорошее время для жизни пришло.

Умукурсум глубоко вздохнула.

– В четверг на базар собираюсь пойти, – поделилась планами Абидат. – Сейчас, сама понимаешь, одной постелью не обойдешься, много других вещей тоже нужно приобрести. Никелированные кровати, говорят, есть на базаре, – задумчиво высказала она мысль. – Сейчас люди из одной тарелки не едят, сервизы покупают. В городе они продаются, в магазинах... Женщины вчера об этом говорили, когда коров собрались выгонять в стадо.

– Ой, этот народ с ума сходит! – Умукурсум хлопнула в ладоши. – Люди, которые вчера не могли найти хлеба, чтобы покушать, сегодня так возгордились! Сервизы-мервизы покупают!

Затем другим тоном добавила.

– Ну, что делать, Абидат? То, что делает один, – нам тоже необходимо сделать. Нужно будет, и сервиз купим. Слушай, Абидат, вчера моя соседка Субалжат на базаре купила такой красивый платок! Нашей невесте он тоже очень подошёл бы.

– Очень ли дорого взяла? – у Абидат засверкали глаза.

– Говорит, пятьдесят рублей.

– Если согласятся, чтобы мы после свадьбы деньги отдали, принеси. О, Аллах, сколько всего надо! Даже если хочешь, нет возможности всё купить, – озабоченно посетовала Абидат.

– Принесу, принесу платок, – пообещала Умукурсум, вставая. – Первая твоя девочка выходит замуж – ничего не пожалеем. Сильно не переживай, всё образуется, – она заторопилась к выходу. – Сейчас домой пойду, за домашним скотом надо присмотреть, потом приду. Посмотрим ещё, что сторона жениха принесёт.

Младшие сестры Абидат, не участвовавшие в разговоре, молча проводили её взглядами. Когда за двоюродной сестрой мужа закрылась дверь, Абидат перевела дух:

– Слава Аллаху, ничего не обругала, не принизила. Сегодня она, видать, встала с правой ноги. Спаси нас, Аллах, от её языка!

К вечеру в гостиной сидели самый старший из рода Абдулгамида – Исакади, двоюродный брат отца, три троюродных брата, а также мужья обеих сестёр Абидат. Люди, которые принимали сватов, были из уважаемого рода и по уровню авторитета не уступали гостям.

Когда на небе появились звёзды, во двор Абдулгамида, открыв настежь большие дубовые ворота, зашли Раджаб и родственник из рода Али – Басир, старший брат Раджаба, который шёл впереди. Произнося молитву, они переступили порог гостевой комнаты. Хасбулла шёл рядом и показывал дорогу. Родственники Абдулгамида встали со стульев, приветствуя гостей.

Абдулгамид показал пришедшим на места вокруг стола напротив себя, предлагая сесть. Комнату освещали три керосиновые лампы, стоящие на полках между окнами. Хасбулла и Амирбег поставили перед гостями тарелки с хинкалом и подносы с мясом. От еды шёл аппетитный дух. Амирбег, как самый старший мужчина в своём доме, после того как положил перед гостями угощение, сел за стол вместе со старшими. Шестилетний Абдулкадыр тоже старался помочь, чем мог.

Гости, однако, к угощению не притрагивались. Родственники Абдулгамида смотрели на них и тоже молчали. Наконец со своего стула поднялся старший из гостей – Басир, сын Али. Не торопясь он начал разговор:

– Ваша еда пахнет очень аппетитно. Но цель, которая нас привела сюда, – не узнать вкус еды. Наш сын и ваша дочь – очень подходящая пара друг для друга. Если Аллах поможет, у них получится очень красивая семья. Цель нашего прихода сюда – чтобы наш Али и ваша Сакинат образовали семью.

В это время Абидат, стоявшая за дверями, подала голос:

– Ой, моя дочь ещё маленькая! А другой причины не согласиться нет...

Тут вмешался Исакади, сразу остановив словесный поток хозяйки дома:

– Не говори больше ни слова, Абидат. Девушка, которая не падает, когда кидаешь в неё папаху, должна быть определена на свое место – должна быть замужем.

– Вот, это свидетельство того, что мы к вам пришли. На, прими в свои руки, Исакади, эти вещи, – Басир, сын Али, протянул свёрток в красном платочке.

– Бисмилляхи рахмани ррахим! Пусть это будет самый счастливый час из двадцати четырёх часов. На, Абидат, держи эти вещи и ни слова больше не говори, – Исакади взял из рук Басира свёрток и отдал вошедшей Абидат.

Абидат молча вышла из комнаты, где сидели мужчины.

Гости не торопясь принялись за еду. Насытившись, хозяева и гости заполнили стаканы красным дербентским вином и выпили, скрепляя брачный сговор. Надолго задерживаться гости не стали и вскоре покинули дом. Басир остановился возле Абидат, стоявшей на веранде, и тихо промолвил:

– Сейчас, Абидат, мужские дела закончились. Остались ваши женские дела. Все, что нужно принести, унести, – решите меж собой. Соберёмся все вместе и сыграем свадьбу, да такую, чтобы другие могли позавидовать. Пусть всё будет в добрый час.

– Спасибо и тебе. С помощью Аллаха всё будет хорошо, – прощая гостей, Абидат проносила обычные в таких случаях слова.

После ухода гостей родственники Абдулгамида снова собрались за стол. Женщины тоже пришли и сели вместе с мужчинами. Абдулкадыр сел между Хасбуллой и матерью. Не пришли только Сакинат и Аминат – для девушек считалось неприличным сидеть среди мужчин.

Подаркам от семьи Раджаба особенно обрадовалась двоюродная сестра отца. Это были удивительно красивые изделия кубачинских мастеров из белого серебра: браслет, кольцо, цепочка на шею и серьги. Если другим девушкам при сватовстве приносили одну серебряную николаевскую монету, Сакинат принесли пять таких монет. Не было ни малейшего повода упрекнуть жениха и его родственников, и никаких претензий к ним не возникло.

* * *

Всё происходящее не произвело на Сакинат никакого впечатления. Ожидая, пока гости уйдут, Сакинат сидела в своей комнате и читала, и за это время истратила целую лампу керосина. За день до этого она начала читать «Три мушкетера» и успела осилить больше половины романа. То, что описывалось в книге, было весьма далеко от реальной жизни. Книги не могли ничего объяснить Сакинат. Она не могла найти причину для того, чтобы не выходить замуж за

Али. Даже если бы она отказала, ни отец, ни мать не послушали бы ее. И её троюродный брат Амирбег, её родственник и опора среди молодежи мужского пола, был согласен, чтобы она вышла замуж за Али. Амирбег, сын тёти Умукурсум, ничего не говорил, как того и требовали обычаи села, и молча делал то, что ему положено при проведении сватовских дел.

Хотя в горах существовал обычай, чтобы девушка выходила замуж за парня, которого ни разу не видела, Сакинат не хотелось так поступать. Она хотела, чтобы всё было как в книгах, которые она читала: встречи под луной, пылающие любовью трепещущие сердца... Но осознавала, что в жизни ей не суждено ничего подобного. В таком деле, как любовь, она никак не могла сделать первый шаг. Сакинат достойно берегла свою честь и хорошо знала себе цену.

Утром, когда новоиспечённая невеста пошла за водой, возле родника она встретила подружек. Все громко поздравляли ее, желая «счастливого часа», но никто и не подумал сорвать с Сакинат платок. С ней подружки не могли позволить себе так смело шутить, как с Аслимат.

Все, что делала Сакинат, ей давалось легче, чем её подружкам. Одно её слово останавливало любые споры сверстниц. Беседуя между собой, девушки жалели того, кто попадётся ей в мужья, и с недовольством высказывали убеждение, что она кого угодно перевоспитает. В словах молодых сельчанок проглядывала надежда, что всё будет наоборот и появится тот, кто сможет перевоспитать саму Сакинат, чтобы она перестала быть такой гордой, независимой и самодостаточной девушкой. Те, которые чесали языками в её адрес, не желали признаваться себе, что Сакинат всегда была лучше их – расторопная и прямолинейная, к тому же отличница. Они не могли дать правильную оценку мыслям, желаниям и характеру Сакинат. А сейчас к ней ещё посватался лучший парень в селе, поэтому авторитет Сакинат намного вырос в глазах многих сверстниц. Сакинат не могла осмыслить того, что происходит в её жизни. Радоваться ли, огорчаться ли и что говорить, она не знала. В её крови ещё жил обычай многих поколений сельчанок, бабушек и матерей, которые выходили замуж без любви и создавали крепкие и правильные семьи. Согласно этому обычаю и вела себя Сакинат, не имея возможности придумать ничего нового. Когда, надев платок с жёлтыми цветами и длинными кистями, доставшийся ей от бабушки, Сакинат утром вышла за водой, ей вслед смотрели женщины – матери, у которых были сыновья, – и жалели, что опоздали со сватовством. Взрослые намного яснее, нежели молодежь, видели, что Сакинат – девушка с крепким характером, самоуверенная и надежная, которая сможет создать хорошую семью. Сомнений же, которые бурлили в её душе, никто не замечал.

– Ах, может возгордилась, – тайно перешёптывались меж собой девушки, которые не любили Сакинат. О том, что её засватали за Али, сына Раджаба, знало всё село.

* * *

Раджаб, отец Али, в сорок четвертом году вернулся с фронта. Он был ранен в левую руку, едва мог шевелить пальцами, а сама рука не двигалась. В родном селе остались одни старики, женщины и дети. После возвращения с войны Раджаба назначили председателем сельского совета. И так он работал бессменно двадцать три года вплоть до дня, когда засватал за своего сына Сакинат...

В свое время, вернувшись с войны, он похитил девушку из соседнего села. Жавгарат была на десять лет моложе его. У них больше не родилось детей, кроме одного сына Али. Сказочная красавица, гордая Жавгарат всю свою любовь посвятила сыну. Она прожила жизнь, не раз тихо говоря самой себе: «Да, я лучшая, разве может быть кто-то лучше меня?» Разумеется, вслух она этого не произносила, чтобы не слышали жители села Шалда. Насколько знали сельчане, она ни разу не утруждала себя тяжёлой, трудной работой. Возможно, потому, что она была женой председателя сельского совета и, не имея никакого образования, многие годы работала

в сельской библиотеке. Жавгарат всегда одевалась чисто и красиво – и когда трудилась в сарае со скотом, и на сельских свадьбах, и на похоронах. На огороде, на поле родственники Раджаба не оставляли работы для нее. Раджаб любил свою супругу и берёг, словно принцессу. Все годы совместной жизни не только он, но даже жители села видели в ней невесту, а не жену.

Не испытав нужды, не приложив никаких усилий и тягот, вырастили они своего сына Али. В школе он учился посредственно. Из-за уважения к отцу учителя считали его хорошим учеником. Хоть обычно Али никто не хвалил, но никто его ни разу и не обидел. Не было человека, который попросил бы его что-то сделать. Не было и человека, обвинявшего Али в том, что он чего-то не сделал. Не приложив никакого усердия, юноша вырос в лучах родительской любви, а уважение сельчан к его родителям переходило и на него. Когда распространилась информация, что он в далёком городе учится на доктора, односельчане восприняли это как обычное дело: «Если сын Раджаба и Жавгарат не будет учиться в большом городе, кому же тогда учиться?» Авторитет родителей Али был в селе настолько высок, что, даже если бы сельчане узнали, что Али полетел в небо и доставил оттуда звезду, никто в селе Шалда не удивился бы. Ведь он был сыном председателя сельского совета Раджаба, а значит, если он не достанет с неба звезду, кто тогда достанет? Чтобы не потерять самого себя, не потускнеть в свете того уважения, которое все оказывали отцу, Али нужно было самому многое сделать, чего-то добиться в жизни. Однако он не только не стремился к достижениям, ему даже в голову не приходило ничего подобное. Он словно бы жил не своей жизнью, а проживал чужую – как говорят, жил одним днём.

Во время учебы в городе он видел немало девушек, но, выполняя волю родителей, решил, что жениться нужно на хорошей девушке-односельчанке. По обычаям села, он ждал, пока без его участия произойдут все дела, связанные со сватовством и временем до свадьбы. Любовь он воспринимал как детскую игру. О том, что Али такой бессердечный, не знала не только Сакинат, ещё не знакомая с ним, но и те, которые его вроде бы должны были хорошо знать, даже его родители.

Разнёсся слух, что в село Шалда скоро приезжает даргинский театр. Сельчане судачили об этом почти две недели. И вот наконец театр прибыл. Народ, который целый день до усталости косил колхозное сено, стал готовиться к походу в театр. Каждая семья старалась поскорее завершить вечернюю работу в доме. Пока светло, нужно было собрать коров и телят, а затем, красиво одевшись, отправиться на вечерний спектакль.

Пока Аминат и мама собирали скот, Сакинат забросила в кастрюлю хинкал, не дождав-шись, пока сварится мясо. Семья быстро поела, не очень разбирая вкуса еды, затем женщины убрали посуду. Абидат, как бы ни торопилась, никогда не оставляла дом неубранным и приучила к тому же своих дочерей. Отец, сказав, что идёт на годекан, вышел из дома раньше всех, собираясь пойти в клуб вместе с мужчинами. Театр приехал на средства колхоза, поэтому платить за билеты было не нужно.

Сакинат вытащила из сундука жёлтый платок. Надела тёмно-красное платье со складками. Туфли на высоких каблуках под цвет платья ей удивительно подходили. Чёрные и блестящие, как шёлк, волосы она собрала шпильками на затылке. Волос было так много, что на затылке девушки словно образовалась ещё одна голова. К тому времени, как её позвали подружки, Сакинат была готова. Однако им, как всегда, пришлось довольно долго ждать, пока соберётся Аслимат. Однако, когда они подошли к клубу, ещё окончательно не стемнело. Перед дверями клуба толпились дети, которые начали вслух возмущаться, узнав, что их не впустят внутрь. В стороне стояла молодежь, которая смеялась и шутила. Среди молодежи Сакинат сразу заметила Ахмеда Гаджикурбановича. Он не сводил глаз с нарядной Аслимат. Сакинат повела взглядом вокруг, чтобы отыскать своего жениха. Наконец чуть дальше от дверей клуба она увидела его. Оживлённо беседуя с кем-то, он даже не смотрел в сторону Сакинат. У неё возникло ощущение, будто в сердце укололи чем-то горячим. Она завидовала Ахмеду и Асли-

мат. Наблюдая за ними, она забыла о событиях последних дней. Красивый летний вечер превратился для неё в туманную осень...

Женщина со светлыми волосами, стоящая возле дверей и записывающая в тетрадь имена, пропустила всех девушек в клуб. За полчаса большое помещение, которое раньше было сельской мечетью, наполнилось жителями села. Мест, подготовленных для сидения, всем не хватило. Выход был найден: свободное от скамеек пространство люди заполнили табуретками, принесёнными из дома. Дети школьного возраста сидели на подоконниках, сняв обувь, чтобы не запачкались побеленные стены.

Наконец начался спектакль! На сцене, освещённой пятью лампами, показался перед народом герой гражданской войны Алибек Богатыров. Сакинат не видела того, что происходило на сцене. Сколько бы раз она ни бросала взгляды на своего жениха – он смотрел спектакль, не замечая ее. А переводя взор на сидящую рядом Аслимат и Ахмеда, она видела жениха и невесту, которые смотрели друг на друга. У Сакинат испортилось настроение, надоел спектакль. На середине действия, ничего не сказав подружкам и никому не мешая, она вышла из клуба. Сакинат думала, что и Али выйдет за ней. Она достаточно долго ждала на улице возле клуба, но оттуда так никто и не вышел.

Все жители села, а с ними вместе и её родители пока оставались в клубе, и Сакинат не хотелось возвращаться в пустой дом. Она направилась мимо своего дома на край села. Если бы кто-нибудь увидел её здесь, наверно, подумал бы, что она сошла с ума. Убежать из села у неё не было причин. Она сама не понимала своего поступка. Однако здесь, на склоне горы напротив села, ей было лучше, чем в клубе. Сакинат сидела на густой, мокрой от ночной росы траве и ни о чём определённом думать не могла. Здесь, на природе, в спокойной ночной тишине, ей хотелось утешить свое встревоженное сердце. Девушку окружала прекрасная летняя ночь. Неполная луна в самой середине неба царилась среди ярких звёзд. Монотонное пение сверчков в ночной тишине превращалось в удивительную мелодию. Воздух, пропитавшийся ароматом цветов и трав, поднимал настроение. Но в окружении этой красоты Сакинат была одинока. Она не ощущала сил что-нибудь изменить и не могла придумать что-нибудь новое, что могло бы изменить её жизнь к лучшему, а будущее сделать радостнее.

Отзвук голосов вышедших из клуба сельчан прервал смятенные, неопределённые мысли девушки. Чтобы прийти домой раньше матери, она быстро поднялась с травы и направилась в сторону дома. Зайдя под родную крышу, она села и сделала вид, что давно уже читает книгу под лампой.

– От этих книг ты дурная станешь, наверно, – поворчала на дочь Абидат. – Когда весь народ был в клубе, ты убежала и читаешь в одиночестве. Что это за книги, которые ты читаешь?

Но и мама не знала, как помочь дочери, да и не подозревала её душевном состоянии.

На слова матери Сакинат не ответила и углубилась в «Анну Каренину». Родители готовились к её свадьбе, которая должна была состояться через две недели.

* * *

Раджаб хотел, чтобы свадьба единственного сына превратилась в веселое и богатое событие. Он откормил для свадьбы трёхгодовалого бычка, привёз из Дербента две бочки вина и пригласил на свадьбу много своих друзей и знакомых.

Раджаб был из числа самых бедных, которые первыми вступили в колхоз. И вот теперь девушку из рода Абдулкадыра, дочь владельцев богатства и земель, отдавали замуж за сына Раджаба, и это ещё раз подтверждало, что он, Раджаб, пользовался в селе уважением и авторитетом. Жавгарат очень хотела, чтобы сыну попала в жёны хорошая, правильная и красивая девушка. Хотя и она сама, и её сын не прочли много книг, но ей всегда нравились те, кто любил читать. Когда Али рассказал, что он встретил на лугу девушку с толстой книгой подмышкой и

длинной косой, Жавгарат сразу поняла, что это была Сакинат. Она начала просить сына, чтобы он засватал эту девушку, и со всех сторон её нахваливала. Ей хотелось, чтобы в его сердце, всегда спокойном и равнодушном к жизни, привыкшем плыть по течению, загорелись радость, энергия и желание любви и свершений. Она мечтала об этом и была готова сделать что угодно, чтобы её сын стал похожим на отца; ей хотелось, чтобы у Али появилась такая же хорошая семья, как у нее. Сами Раджаб и Жавгарат пережили в свое время пламенную любовь и бурную молодость.

Вернувшись с войны председателю сельского совета по долгу службы приходилось как минимум раз в месяц ездить в районный центр. Из села Шалда в центр нужно было ездить по дороге, проходившей рядом с селом, где жила Жавгарат...

Это было в тысяча девятьсот сорок четвёртом году. Ранним весенним утром, ещё в темноте, Раджаб оседлал коня и отправился в путь – ему в очередной раз нужно было навеститься в районный центр. Не успело ещё солнце взойти из-за гор, как Раджабу повстречалась девушка из соседнего села – она возвращалась от родника с блестящим кувшином на спине. Увидев девушку со светлым, как солнце, лицом, чёрными, как ночь, глазами и тонкими, как новая луна, бровями, председатель забыл о том, что торопится в район. По обычаю гор он не мог заговорить с незнакомой красавицей, поздороваться с ней. Потянув уздечку здоровой рукой, Раджаб остановил коня. Проводил взглядом девушку, которая шла лёгким шагом, пока не скрылась за каменистым холмом. Медленно пошевелил он поводья, веля коню ступать тише, и последовал за ней. Раджаб не заговаривал с девушкой. И девушка не оборачивалась на всадника, смотрящего ей вслед. Председатель не стал приближаться к девушке. Издалека он проводил её взглядом, пока она не зашла в свои ворота. Очарованный красотой молодой горянки, он даже забыл слезть с коня и так верхом и въехал в село. Остановив коня на одной из сельских улочек, он остановился и долго сидел неподвижно, глядя вниз, на терпеливо ожидающем скакуне, пока не вспомнил, куда он держал путь. С этого дня председатель сельского совета села Шалда чаще начал появляться в соседнем, чем – в родном селе. Каждый день или через день Раджаб уходил из села спозаранку, пока темно, чтобы его не увидели односельчане. Он появлялся на тропинке, где ему встретилась девушка, ещё до рассвета. Если прекрасная незнакомка приходила за водой, он, оставаясь на некотором отдалении, провожал её до дома, а потом возвращался в свое село. Если она не появлялась на сельской улице, не шла за водой, то он ездил на коне взад-вперёд возле её ворот. А девушка не выглядывала ни из окна, ни из ворот. Если ему не удавалось её увидеть, Раджаб, не зная, что дальше делать, возвращался в свое село хмурым, как волк, не настигший добычу.

Так прошли два месяца.

Раджаб, сидящий на коне крепко, как влитой, по-прежнему продолжал появляться в соседнем селе. Местные жители выглядывали из ворот или из окон, смеялись над молчаливым всадником. Он стеснялся людей, ему было неловко, однако не мог не приходить, как не мог и сказать кому-либо о цели своих появлений. Словно мулла около святыни, он ходил вокруг дома красавицы, а когда уставал, никому ничего не говоря, возвращался в свое село. Наконец, терпение матери девушки закончилось.

В туманное, морозящее дождём весеннее утро хозяйка дома не вышла на колхозную работу. Она заметила стоящего перед воротами всадника, который, казалось, никуда не торопился и не замечал дождя. Женщина открыла ворота, стараясь, чтобы они не скрипнули, и пригласила незнакомца зайти в дом. Он спешился и последовал за женщиной, ведя коня за собой. Гость был одет в военную форму, на голове – каракулевая шапка-ушанка, на ногах – до блеска начищенные, хромовые сапоги. Покалеченная рука, прижатая к груди, была спрятана под накинутый на плечи китель, застегнутый на одну пуговицу; другой рукой он держал уздечку.

Женщина, открывшая Раджабу ворота, была одета в тёмное складчатое платье, волосы скрывались под чохой с серебряной цепочкой, украшающей кант, свитый из разноцветных шелковых лоскутов. Её широкие тёмно-синие шаровары были намного длиннее, чем платье; обута она была в резиновые галоши на босу ногу. Лицо женщины показалось Раджабу похожим на лицо девушки, которую он хотел увидеть. Однако он не произнёс ни слова.

– Ты знаешь, чей этот дом? – спросила женщина, обращаясь к Раджабу, как только закрыла ворота.

– Если скажешь, узнаю, – кратко ответил гость.

– Привяжи коня. Положи ему траву, которая лежит в углу. Заходи в комнату.

Вслед за хозяйкой дома Раджаб поднялся на второй этаж. На веранде стояла тахта, но они миновали её и прошли в комнату с очагом, прикрыв за собой двери. В комнате царил полутьма; свет поступал сюда лишь сквозь маленькое окошко, которое выходило на веранду. Женщина указала гостю на стул, предлагая сесть. Поставив перед ним маленький стол, положила на него недавно испечённый хлеб из пшеничной муки и разрешила его на несколько кусков. Нарезав на мелкие куски овечий сыр, положила в маленькую чашку. Из очага, где ещё тлели угли, вытащила чугунные сковородки с испечённым хлебом. Этот хлеб положила на тканое полотенце, которым был застелен сундук. Потом женщина села на маленькую табуретку напротив гостя.

– Меня зовут Цибац, – сказала она Раджабу, который сидел молча. – С начала войны я являюсь председателем этого колхоза. У меня дома нет мужчин. От мужа и от одного из сыновей «чёрные письма» лежат у меня в сундуке. Оставшийся сын воюет на фронте. Я хочу узнать, кто ты, почему всегда ходишь вокруг моего дома.

– Я знаю, что в этом доме живёт прекрасная девушка, поэтому хожу вокруг её дома.

– Ты знаешь, кто она, эта девушка, и чья?

– Уже знаю. Она дочь председателя колхоза Цибац.

– Ты знаешь, как её зовут?

– Узнаю, если ты скажешь.

– А ты сам кто?

– Уже три месяца я являюсь председателем сельского совета села Шалда. Четыре месяца назад вернулся с фронта. Как видишь, левая рука у меня плохо работает. Поэтому домой отправили. Меня зовут Раджаб. Раджаб, сын Али.

– Очень хорошо, что тебя зовут Раджаб. Ты же неглупый человек. Так зачем прикидываешься глупым? Для чего ходишь вокруг моего дома?

– Я хочу познакомиться с девушкой из этого дома. И жениться на ней.

– Кто хочет жениться, не ходит вокруг дома. Люди отправляют сватов, играют свадьбы и женятся. Ты это знаешь?

– Знаю. Но до того, как отправлю сватов, я же должен хотя бы узнать, как зовут девушку.

– Тебе нечего знать, как зовут девушку: у неё есть жених, на фронте воюет. Моя дочь не бросит его, чтобы выйти за тебя.

– Я хочу хотя бы увидеть её, если даже она не выйдет за меня.

– Увидеть? Она не воздушный канатоходец, чтобы на неё смотреть.

Цибац замолчала. От хлеба шёл аппетитный аромат. Раджаб съел по маленькому куску хлеба и сыра. Молча опустил голову. Молчала и Цибац.

Когда женщина приглашала незнакомого молодого человека зайти в дом, ей хотелось поругать его и, может быть, напугать. И даже уязвить побольнее, пристыдить, чтобы он больше не подходил к её дому. Но этот парень, назвавшийся Раджабом, сидел с опущенной головой и молчал. С таким безмолвным гостем трудно было найти слова и Цибац. Долгое время оба сидели молча. Цибац думала, что делать дальше с этим молчаливым человеком. Он всё так же ничего не говорил, но и не уходил.

Наконец у хозяйки закончилось терпение:

– Я сейчас иду в контору, – сказала она.

– Тогда я тоже уйду, – Раджаб встал. Медленно, с уважительным терпением ступая за Цибац, он вышел из дома.

После этого случая Раджаб всё так же продолжал свои путешествия в соседнее село. Жители обоих сел, его родного и соседнего, с усмешкой рассказывали о нём небылицы, шутили, приписывая ему то, что он не делал. Влюблённый, как правило, ничего вокруг не замечает и не знает, как выглядят со стороны его действия, поэтому окружающие иногда принимают его за сумасшедшего человека. Действительно, то, что делал Раджаб, было похоже на действия умалишённого. Он появлялся в соседнем селе верхом на своём пятнистом коне. Спокойный, уставший от работы старый конь с большим терпением, чем Раджаб, ждал со всадником на спине, пока девушка выйдет за водой. Когда Раджаб был уверен, что девушка уже не выйдет, он проезжал несколько раз на своём коне по улице перед уже знакомым домом, а затем, никому ничего не говоря, возвращался в свое село.

Дочь гордой Цибац, председателя колхоза, не обращала на Раджаба внимания. Хотя дело обстояло именно так, жители обоих сел открыто рассказывали о подвигах Раджаба, которые он совершал ради Жавгарат – так звали прекрасную незнакомку, пленившую сердце председателя сельсовета села Шалда. Судака об этом, люди не находили причин в чём-либо обвинять девушку, однако, хотя никаких обвинений не звучало, ситуация сложилась странная, и тень от этих разговоров падала на Жавгарат. В этих словесных играх сельчан прошло ещё два месяца.

Решение проблемы нашлось с неожиданной стороны. Как поступить Раджабу, который не знал, как добиться желаемого, подсказала сама Цибац. Она не хотела, чтобы вокруг её дочери распространялись ненужные разговоры. Цибац с первого дня поняла сердцем, что немногословный парень из соседнего села влюблён в её дочь, а понаблюдав за ним, а затем поговорив, сделала вывод, что он достойный человек. Однако засватать любимую и сыграть свадьбу согласно обычаю Раджаб не мог, потому что у девушки был жених, который воевал на фронте...

И вот однажды мама отправила Жавгарат одну за водой в вечернее время. Цибац заранее подсказала парню, когда можно похитить её дочь. В это время Жавгарат не знала, что её собираются похитить. А уже потом Цибац посоветовала дочке смириться с судьбой и создать семью с парнем, который похитил ее. Жавгарат в то время только исполнилось восемнадцать, а Раджаб был старше её на двенадцать лет. С первого же дня он смотрел на свою избранницу как на сказочную красавицу, и такое отношение к ней сохранил на всю жизнь. Своим бережным отношением к молодой жене, своей любовью ему удалось пробудить в ней ответное чувство.

Их единственный сын Али, окружённый любовью и родительской заботой, привык жить, всегда получая лучшее и не отдавая ничего взамен. Раджабу и Жавгарат всегда хватало взаимной любви. Они, казались, никогда не ждали любви от сына. Оба чувствовали, что в характере сына есть что-то неправильное, но что именно – не могли понять. Раджаб и Жавгарат питали надежду, что после женитьбы у него всё наладится. В своих сомнениях муж и жена не могли признаться даже самим себе. Они старались соблюдать в сватовстве все обычаи села.

Абидат тоже торопилась выдать дочку замуж. Родители Сакинат, как и родители Али, были любящими друг друга мужем и женой. До свадьбы у них не было ни встреч, ни любви, ни бесед. Когда у них родились дети, когда они хорошо узнали друг друга, они стали друг для друга дорогими, необходимыми, по-настоящему близкими людьми. Абидат надеялась, что и у её дочери образуется такая же семья. Отец жениха её дочери был уважаемым в селе человеком со спокойным, умеренным характером, хороший и надёжный человек. Абидат была уверена, что сын похож на отца.

Сын вполне мог похвастаться здоровьем и красивой, видной внешностью. Он учился в городе и собирался забрать с собой в город и Сакинат. По мнению Абидат, лучшего мужа для

её дочери в селе нельзя было подыскать. Что касается Абдулгамиды, он в душе сомневался в женихе дочери. Если бы жив был его отец Абдулкадыр, то никогда не согласился бы отдать свою внучку замуж за парня из рода Раджаба, сына Али. И если бы Сакинат по какой-либо причине сказала бы, что она не выйдет за него, Абдулгамид не отдал бы дочь. Но она ничего не говорила, молча принимая всё происходящее в её жизни. Хотя Абдулгамиду не хотелось выдавать свою дочь за парня, который, хотя и вырос среди жителей села, за семнадцать лет не сделал ничего – ни хорошего, ни плохого, однако ему пришлось дать согласие на предложение выдать Сакинат – он не видел ни одной явной причины для отказа.

Ты как ласточка, которая весной
Вьёт прилежно свое новое гнездо.
Сакинат, сестра моя, пускай с тобой
Мир и счастье прилетят в твой новый дом!

Это была последняя песня, которую спела для Сакинат подружка Аслимат. Песня прозвучала прощанием с детством и юностью невесты, остающимся где-то в прошлом. С этой песней и под дождём конфет, которые бросали на молодых гости и родственники, чтобы сельские дети собрали сладости, Сакинат вошла в дом Раджаба. Вошла в жизнь, которую не знала, с бурлящими мыслями и со смятенным сердцем. Сердцем, охваченным жарким огнём смутных надежд на лучшее, и надеждой на новую любовь, которая может зародиться в её душе. Её натура была по-прежнему верна чести и совести.

Самая значимая в её жизни ночь прошла без какого бы то ни было смысла. В ней осталось чувство пустоты и обиды, ощущение, что её не оценили, и надежда на что-то хорошее потухла.

Али, вдоволь угостившийся дербентским вином, был в приподнятом настроении, но и не подумал о мыслях и желаниях невесты, о том, как следует пробудить в ней любовь. У Сакинат, которая от досады и боли кусала себе руки, за одну ночь сердце охладело от жара. Хотя она и сама себе не признавалась, но вышло так, что самую дорогую и высокую честь в мире – девичью – она потратила просто так, ничего не получив взамен.

Родные и соседи, которые утром пришли поздравить Сакинат, не догадались, что у неё на душе. Глубоко запрятав свои горестные мысли и разочарование, Сакинат, как требовали обычаи села, делала все, что должна была делать вчерашняя невеста – молодая жена. Она принимала подарки, ласковым голосом отвечала на приветствия. Натянув на лоб белый платок с красивыми густыми кистями, она сидела на стульчике, не поднимая головы, в окружении девушек. Сакинат не могла объяснить самой себе, чего ей так сильно не хватает, но её глаза не лучились светом счастья. За одну ночь она сильно повзрослела.

* * *

Сакинат проснулась от страха. Взглянула в окно, поняла, что не опоздала, и спокойно вздохнула. Медленно, чтобы не проснулся спящий муж, открыла дверь и вышла на веранду. Умылась, заново заплела свою густую длинную косу. Подмела веником веранду, потом лестницу. Собираясь готовить завтрак, затопила харбуцкую печь и поставила чайник – пора было приготовить чай. До того, как чайник вскипел, она вышла с кувшином за водой. Восходящее солнце едва освещало вершины гор. Сакинат была очень расторопной и работающей невесткой. Любая работа спорилась и горела в её руках, как у её мамы Абидат. Жавгарат была вполне довольна женой сына.

С тех пор, как Сакинат пришла в дом Раджаба, казалось, она забыла речь. У неё на «да» был ответ «да», а на «нет» – «нет». Жавгарат нравилось в ней все, даже то, что она не разговаривала. Свекровь Сакинат никогда не волновало то, что на душе у других. Она интересовалась только собой, и ни разу не задалась вопросом, что на душе у её невестки. Большую часть

домашней работы Сакинат молча взяла на себя, и это понравилось свекрови, которая восприняла это как должное и ни разу не подумала поблагодарить новую родственницу.

Вернувшись от родника, Сакинат приготовила оладьи. Испекла несколько чуреков, чтобы взять с собой на сенокос. Мужчины в доме ещё не проснулись. Свекровь тоже ещё не появилась. Чтобы не сидеть без дела, Сакинат принялась гладить мужу одежду.

Если в семье хорошая жена, одежда мужа всегда должна быть чистой и выглаженной, чтобы не позориться перед односельчанами. Так твёрдо решила для себя Сакинат, такой приказ она себе отдала. На самом же деле ей не было никакого дела до одежды Али. Из дальней комнаты она принесла утюг и положила в него угли, взяв их из горячей печки. После этого начала гладить рубашку и брюки мужа, которые постирала позавчера, когда семья пришла с сенокоса. Закончив с мужниной одеждой, убрала из утюга золу, заново положила угли и начала гладить два своих платья со складками. Сейчас для Сакинат не было никакой разницы, во что она одета. Придя в семью Раджаба, она старалась делать все, что следовало делать молодой невестке по обычаям села, честно старалась влиться в новую семью – семью мужа и его родителей. Она стремилась выполнять все, чтобы новые родственники были рады и довольны ею. Но с каждым днём разочарование её росло, и глаза её открывались на тех, кто жил с ней под одной крышей. Думая о том, чтобы не опозориться перед односельчанами и не нарушить адаты – неписанные законы горцев – Сакинат жила молча, храня честь и совесть. Она видела, что члены этой семьи не смотрели друг другу в глаза. Они не задумывались о том, счастлив или нет человек, которой находился рядом с ними. Возникало ощущение, что эти люди родились только для того, чтобы спать и принимать пищу. Такой вывод Сакинат успела сделать за месяц, который прожила с ними. И она не знала, как их изменить.

За это время Али ни разу не пожелал взглянуть в глаза Сакинат, от души побеседовать, пошутить и посмеяться с ней. Он был похож на человека, который живёт где-то в другом месте, а сюда приехал временно, погостить. Он тоже жил так, будто дал обещание строго выполнять обычаи села. Его вполне устраивали такая жизнь и такая семья, в которой отсутствует бурная, горячая, нежная любовь.

* * *

Шёл конец августа шестьдесят седьмого года. Жители села Шалда страдали от жары и утром и вечером вспоминали время, когда необходимо было надевать теплую одежду. В обеденное время в селе солнце жарило сильнее, чем на равнине. Сенокосные работы на лугу были наполовину завершены. Весенняя пшеница приобрела слегка золотистый цвет. Чтобы собрать весь урожай, горцам ещё много нужно было работать.

Али со своей супругой, бросив полевые работы, собирался уехать в далёкий Ленинград. Все жители села давно знали, что они уезжают.

Жавгарат встала затемно и начала готовить гостинцы сыну и молодой невестке. Овечий сыр, банку свежей сметаны, пожаренный в масле хинкал. Чуду с творогом, чтобы кушать в дороге. Всю эту снедь она укладывала в небольшой деревянный чемодан, предварительно тщательно завернув в газеты.

Не успело взойти солнце, как на веранде дома Раджаба появилась Абидат. Она ещё накануне вечером подготовила свёрток с гостинцами для дочери. Хотя раньше Жавгарат и Абидат не были подругами, но сейчас словно стремились показать всему селу, как дружно они живут – казалось, обе соревнуются в том, кто из них больше расположения выкажет по отношению к другой. По их мнению, все, что связано с их детьми, должно было стать образцом для всего села. Обе для детей ничего не жалели и поступали строго в соответствии с неписаными обычаями села. Никто не имел возможность туда заглянуть им в души, чтобы понять, что там, а

сами женщины не раскрывали свои сердца никому. И сегодня Жавгарат, увидев Абидат, улыбнулась, словно получила подарок.

– Заходи, Абидат. Как хорошо ты сделала, что пришла провожать дочь! От моих мужчин мне помощи никакой. Пока солнце в их окно не заглянет, они не встают. Вот, видишь, готовлю гостинцы. Помоги мне закрыть эти банки.

– Ну-ка дай сюда! – Абидат взяла чемодан, скорой рукой переместила все поудобнее и поставила на место. Всё принесённое ею она расположила в чемодане поверх гостинцев Жавгарат.

– У тебя что-нибудь осталось положить? – осведомилась она у хозяйки дома.

– Нет.

– Тогда я закрываю чемодан.

– Хорошо, закрывай. Как хорошо, что ты пришла, а то без помощи мужчин я не смогла бы его закрыть.

«Хорошо, что она признается, что сама ничего делать не может», – подумала Абидат. Она то и дело обращала взгляд на дочь, но не могла поймать ответного взгляда, потому что та смотрела вниз, как подобает молодой замужней горской женщине, чтящей адаты. Сакинат не поднимала на маму глаз, чтобы мать не заметила в них грусть и пустоту в душе. Абидат нравилось, что дочка не жалуется, но, время от времени стараясь взглянуть ей в глаза, отчего-то боялась того, что может в них увидеть. Абидат притворялась, что всё идёт так, как и должно быть. Таким образом она пыталась беречь счастье дочери.

– Сакинат, приготовь что-нибудь маме на завтрак, а я спущусь – надо корову выгнать в стадо, – Жавгарат направилась к двери. Остановившись перед зеркалом, висящим на веранде, она поправила платок на голове.

– Ничего не надо, – отказалась Абидат. – Ещё не время завтракать. Я тоже пойду посмотреть, проснулась ли моя Аминат. А мои коровы тоже могут остаться дома, если вовремя не выгнать их в стадо, – она направилась за Жавгарат. «Даже когда идёт корову доить – в зеркало смотрит. Вот кокетка! – подумала Абидат. – Как она ухитряется помнить о том, чтобы всегда так за собой следить?»

Сакинат не захотелось, чтобы мама осталась у них подольше. Если они останутся наедине, девушка не знала, как и о чём разговаривать с матерью. Обе сделали вид, что всё хорошо. Не изречённое осталось не изречённым. Вроде и не было ничего такого, что можно было произнести вслух, ничего такого, на что можно было пожаловаться... но ни у мамы, ни у дочери не было светло на душе.

Возле магазина стоял «Газик», единственная машина в селе. Вокруг неё носились все сельские ребяташки. Водитель, подняв капот, возился в моторе. Хотя машина была в порядке, он заново проверял мотор – просто чтобы не стоять без дела в ожидании, пока соберутся все уезжающие.

Для тех, кто собирался ехать, в кузове единственными местами для сидения были пустые ящики, которые пассажиры брали с собой, чтобы заполнить виноградом. В основном машину заполняли колхозники, которые готовились ехать на кутан для сбора винограда. Они радостно встретили молодоженов – те собирались ехать с ними вместе. Помогая друг другу, в кузов подняли три чемодана. На один из ящиков положили подушечку, чтобы Сакинат было удобнее сидеть. Возле машины стояли Абидат и Жавгарат. Они с гордостью смотрели на своих детей. Жавгарат, как всегда, была одета как невеста – вся была укрыта старинным шёлковым бордовым платком.

«Оставила бы единственной невестке старинный платок – да куда там! Нет, себя одела понаряднее. Как она высокомерна», – думала Абидат, стоя рядом с Жавгарат. В её собственном сундуке был не один, а целых три дорогих платка, но она их не использовала для себя, оставила нетронутыми, чтобы дать дочерям и невесткам своих сыновей. Как многие женщины

села Шалда, Абидат всегда надевала чёрную накидку, по праздникам меняла её на блестящую, а в остальное время – не блестящую, из шерстяной или сатиновой ткани.

– Провожаете своих молодожёнов? Счастливого им пути, пусть вернуться радостными, – приветствовали двух матерей проходящие мимо сельчане.

– Да, провожаем. Вам тоже здоровья, – отвечала на добрые пожелания Жавгарат, а сама думала: «Да, это я, и чьи же ещё, как мои молодожёны, могут уехать жить в далёкий город?» Она не сводила глаз со своего сына, который стоял с мужчинами. Али казался выше всех мужчин. Густой, чуть волнистый чуб он направил наверх от лба. Белое лицо и руки не успели загореть на горном воздухе. Городской костюм очень шёл парню и, казалось, делал его ещё красивее.

Сакинат, стоящая рядом с мамой, выглядела настоящей красавицей. Готовясь к поездке в город, она не стала надевать большой платок невесты, а завязала на шею маленькую шёлковую косынку. Тёмно-синее платье с белыми цветочками очень шло ей. Чёрные туфли на высоких каблуках хорошо смотрелись на её ногах. Ни у одной девушки села Шалда не было такой красивой одежды, как у нее. По её круглому миловидному лицу цвета спелого персика нельзя было прочесть, что у неё на душе. Она стояла молча, ни на кого особо не глядя, и собравшимся могло показаться, будто она возгордилась.

Сакинат воспринимала эту поездку как побег от самой себя. Может, там, вдали от дома, в незнакомом далёком городе всё наконец встанет на свои места, успокаивала она себя. Хотя после свадьбы прошло уже сорок дней, она не сказала мужу даже четырёх слов. Без разговоров обходился и Али. Сакинат начинала осознавать, что семья у неё не сложилась, но никому не могла в этом, признаться. Тем более что она не представляла, как по-другому должны были быть выстроены их отношения с супругом. Вокруг Сакинат крутились братья, и она то и дело просила их успокоиться и не суетиться. Подходило время отправления. Аминат до сих пор не подошла проводить старшую сестру – она заканчивала обычную утреннюю мамину работу. Чуть позже она всё же успела – поспешно подойдя, она молча встала рядом с сестрой.

Раджаб, пришедший проводить сына, стоял среди мужчин. Абдулгамид провожать свою дочь не пришёл. Накануне, когда Сакинат пришла в гости в родительский дом, он попрощался с ней и дал денег на дорогу. Не появился на проводах и Амирбег, сын тёти Умукурсум.

Сама разговорчивая Умукурсум, на ходу затеявая беседу то с одним, то с другим, то со многими сразу, подошла, когда до отправки машины оставалось совсем ничего. По её рассказам, которыми она охотно делилась со всеми, засеянному огороду больше вреда приносят утки, чем буйволы. Прилетев издалека, как орлы, чужие утки собирались прямо на огороде Умукурсум!

– На колоске ни одного зернышка не осталось – утки пожрали всё! – громко сетовала она.

Аслимат и Убайдат, которые возвращались от родника, положили свои кувшины возле машины. Они тоже хотели проводить Сакинат. Возле Убайдат, одетой неброско, Аслимат выделялась хотя и не новым, но нарядным белым платком, покрывающим голову. Аслимат хотелось, чтобы все видели, как она счастлива, что в скором времени будет её свадьба. Остаться на свадьбу Аслимат и Ахмеда у Сакинат не получалось: свадьбу отложили потому, что умерла их престарелая близкая родственница и нужно было выдержать срок траура.

Наконец, собрались все отъезжающие. Мама, свекровь, тётя Умукурсум, сестра и подруги на прощание обняли Сакинат. Старик, который собирался лечь в районную больницу, занял кабину, а колхозники залезли в кузов. Али легко вскочил в кузов со стороны колёс и подал руку Сакинат, чтобы помочь ей подняться. Сакинат застеснялась и покраснела как помидор, села на место, которое ей показали, и сидела не шевелясь, пока машина не тронулась. Нагнувшись через борт машины, Али попрощался за руку со всеми мужчинами. Брат Хасбулла поднялся на колёса и через борт помахал Сакинат рукой. Все расселись по местам, и только Али стоял,

проявляя уважение к старшим. Ветер играл с его красивой шапкой. Машина просигналила и тронулась. Абидат заплакала, вытирая слёзы.

* * *

Хотя Али женился, выполняя волю родителей, у него и в мыслях не было брать с собой Сакинат. С рождения не подумавший своей головой, привыкший, чтобы за него родители думали, ни разу самостоятельно не поевший, он не только не знал, как добиться желаемого, он представления не имел, чего же именно он хочет. Это была проблема, которую никто не смог бы решить. И вот, когда он собрался в Ленинград, мама и папа сказали ему, чтобы он взял с собой жену. И на этот раз Али, ни о чём самостоятельно не подумав, по привычке, послушался родителей и забрал с собой Сакинат.

Оставив позади горы, которые снизу казались туманными облаками, машина добралась до пылающей жаром равнины. У районной больницы высадили больного старика, и мужчины организовали для Сакинат место в кабине. Прежде она выезжала из села в район единственный раз, чтобы получить паспорт. Равнина, асфальтированная дорога, жар, поднимающийся от асфальта, – всё её удивляло. В кузове она почти не открывала глаз от клубящейся пыли, которая поднималась из-под колёс, а теперь всю смотрела из кабины кругом, запоминая всё увиденное.

Встречались на равнине и не асфальтированные участки дороги, от которых поднималась пыль, едва по ним проезжали машины. Горцы, покрытые дорожной пылью словно мукой, остановились у придорожного родника, когда машина из села Шалда достигла асфальтированной дороги. Родниковая вода оказалась хорошей и чистой, как из сельского родника. Возле родника путники почистили себя от пыли и помылись. Устроившись перекусить под большим дубом, они вытащили гостинцы, взятые с собой в дорогу. Привыкшие к прохладному климату, горцы даже в тени обливались потом, лица их покраснели. Ни воздух, ни климат равнины не нравились никому из них. В такой жаре родник с холодной водой казался им истинной благодатью.

На ночь Али и Сакинат остановились в кутане у дальних родственников Али. В их доме были две комнаты с низкими потолками, построенные из саманных кирпичей. Кроме Сакинат и Али, в доме остановились переночевать ещё несколько мужчин. В кутане было всего несколько хозяйств, где постоянно жили хозяева. Все, кто приезжал с гор, останавливались у них. В духовке, которая располагалась перед домом, под навесом, покрытым камышом, хозяйка в скором времени испекла несколько аппетитных хлебов. И хозяева, и гости сели кушать под дубовым деревом перед домом. Стол изобиловал свежими фруктами и овощами, которые очень любят горцы: помидорами, огурцами, виноградом, арбузами и дынями. До тех пор, пока хозяйка закончит свои дела, Сакинат присматривала за детьми, один из которых, совсем маленький, тихонько посапывал в колыбели. Хозяйка с двумя детьми и Сакинат легли спать в одной комнате, а все мужчины – в другой, расположившись в ряд. Ночью Сакинат совсем не спала: комариный рой, напавший на свежую горскую кровь, нелегко было остановить.

Утром следующего дня один из гостей на конской кибитке подвёз Али и Сакинат на железнодорожную станцию. Рано утром на работу вышли и колхозники. Они рады были прервать утренний сон, чтобы отдохнуть в обед, когда солнце особенно сильно начнёт припекать.

Когда супруги доехали до Махачкалинского вокзала, до отправки московского поезда оставалось ещё много времени. Сакинат села на скамейку и поставила рядом чемоданы. Али ушёл покупать билеты. Он достал билеты в купейный вагон. Дешёвые билеты в плацкартные вагоны давно были проданы.

В вагоне поезда сердца супругов, пустые по отношению друг к другу, ничем не заполнились. Их редкие беседы состояла из необходимых слов.

«– Пообедаем?», «– Уже поздно, давай ляжем спать», «– Хорошо будет, если позавтракаем. Разве нет?» В основном такие разговоры затевал Али, да и то лишь в те моменты, когда

он хотел спать или чувствовал голод. Сакинат не поднимала головы от книги, которую читала. Здесь не было необходимости делать вид, будто она счастлива.

За три дня в их купе три раза поменялись соседи – одни уходили, другие приходили. Сакинат и с ними не вступала в долгие разговоры. Не блистал разговорчивостью и Али. Соседям Али и Сакинат по купе они могли бы показаться едва знакомыми меж собой. Трудно было догадаться, что эти парень и девушка, не обращающие внимания друг на друга, – молодожёны. Али спал днём и ночью, для него как будто весь мир стал сном. Он просыпался, когда чувствовал голод, чтобы поесть, а затем снова погружался в объятия сновидений. Назло ему Сакинат не поднимала головы от книги даже тогда, когда он просыпался. Съестное, взятое из дома, – жареный хинкал, чуду, хлеб – закончились вечером на второй день. Сакинат не стала просить Али, чтобы он принёс еду. Укачиваемая ходом поезда, этой ночью Сакинат уснула голодная. Ранним утром следующего дня проводница с красивой стрижкой до плеч принесла им два стакана чая.

На одной из станций поезд остановился, и Сакинат увидела через окно мальчика, который ел нечто, с чего капало молоко. Сакинат ещё ни разу не видела мороженое, только слышала про него. Со слов других она поняла, чем лакомится мальчик.

– Али, смотри, что кушает мальчик, – неожиданно вырвалось у нее. Али опустил газету, которую читал, удивленно и непонимающе посмотрел на неё и заново поднял газетный лист, углубившись в чтение. Наверное, уже устав спать, он решил для разнообразия изучить газету, которую проводница принесла вместе с чаем. У Сакинат сердце похолодело, как лёд. Не сказав больше ни слова, она замолчала. «Пусть у меня живот лопнет, если ему хоть слово скажу», – решила она про себя.

На следующий день утром они доехали до Москвы. Сакинат была удивлена большим количеством машин и людей, но, не выказывая изумления, молча последовала за мужем, волоча свой чемодан. Они сели на длинный автобус-«гармошку» и приехали на Ленинградский вокзал. Вдруг Али куда-то исчез. Вернулся бледный через несколько часов. И молча сел рядом с Сакинат.

– У тебя есть деньги, Сакинат? – дрожащим голосом спросил он через некоторое время.

– Да. Есть те, которые мне дал отец.

– Все деньги, которые я из дома привёз, потерялись. Не знаю, где потерялись. Я не смог купить билеты без денег.

– А где были твои деньги?

– Как будто не знаешь, – удивленно посмотрел на неё Али.

– Если ты не сказал, если я не видела, откуда мне знать, где твои деньги?

– Если ты всегда была рядом со мной, кто, кроме тебя, может знать?

– Что ты хочешь сказать?! – она вскочила. – Ты думаешь, я взяла твои деньги? – от злости Сакинат не знала, что делать. Она была готова ударить его в лицо, расцарапать! Но из-за того, что они были далеко от дома, стерпела, заставив себя успокоиться.

– Когда ты догадался, что деньги потерялись? – спросила она уже спокойнее.

– Когда стоял у кассы и хотел деньги вытащить.

– Билеты были? Почему надолго исчез?

– Были. Из-за того, что не было денег, не смог купить.

– Касса где? Я куплю билеты.

– Я не знаю.

– Что? Ты же говоришь, что у кассы догадался?

Али смотрел на Сакинат, испуганно вытаращив глаза. Оба молчали некоторое время, затем Али издал звук отрыжки, как сильно объевшийся человек.

– Возле кассы кормили без денег?

– Нет, но в другом кармане я три рубля нашёл, чтобы зайти поесть.

У Сакинат иссякли слова. Молчал и Али. Наконец Сакинат встала. С того места, где она сидела, хорошо была видна касса, где продавали билеты. Около трёх часов, пока она ждала Али, она смотрела в сторону кассы, но так и не видела, чтобы Али к ней подходил. Он открыто врал. Сакинат никогда прежде не сталкивалась с таким поведением и не знала, как поступать в таких случаях. Она оставила его сидеть и отправилась покупать билеты. Возле кассы не обнаружилось большой очереди. Встав за двумя мужчинами, она легко и почти без задержки купила два билета в купейный вагон. У Сакинат не было сумки, куда она могла бы положить деньги и необходимые мелкие предметы. Мама заранее сшила ей карман, крепящийся сбоку к платью глубоко изнутри, куда можно было просунуть руку и достать спрятанные деньги.

Сакинат направилась в кафе, расположенное внутри вокзала. Взяв себе макароны и чай, подошла к свободному высокому столику. Стульев в кафе не было, приходилось кушать стоя, что оказалось для неё непривычным делом. Едва она принялась за еду, к ней приблизился молодой парень с хитрыми голубыми глазами.

– Девушка, не хочешь с нами на деньги поиграть? Если правду сказать, твой друг был очень щедрый и с большими деньгами. Он хорошо умеет на деньги играть, – парень открыто посмеивался.

– Не только играть с тобой, видеть тебя и разговаривать с тобой не хочу.

– Жаль, твой друг с нами хорошо поиграл.

Сакинат не испытывала ни малейшего желания разговаривать с незнакомым человеком. Повернувшись спиной к незнакомцу, буквально излучавшему хорошее настроение, она продолжила трапезу.

Доев макароны и допив чай, Сакинат посмотрела кругом. Смеющегося парня нигде не было видно. Пора было возвращаться. Она отправилась туда, где оставила Али с чемоданами. На ходу заметила в укромном углу группу людей. Посредине стоял парень, который с ней разговаривал. Поймав её взгляд, он замахал рукой, приглашая её подойти. Сакинат молча отвернулась и, не сбавляя шаг, продолжила путь туда, где ждал муж.

Али, сидя возле чемоданов, сладко храпел, склонив голову набок. Если бы кому-нибудь пришло в голову забрать чемоданы, он вряд ли проснулся бы и ни о чём не догадался бы. Сакинат взяла оба чемодана и переставила за спину Али, а потом, толкнув в плечо, разбудила его.

– Где наши чемоданы?

– Чемоданы? – пробормотал он, нехотя просыпаясь. И принялся растерянно озираться. – Ой, куда они делись? Вот зачем мне было нужно уснуть? Где же они?

Недалеко от них возник парень с голубыми глазами. Он смотрел на них и посмеивался.

– Ты знаешь этого парня? – осведомилась Сакинат. – По-моему, он нашёл деньги, которые ты потерял, и пришёл вернуть. Поэтому он так на нас смотрит.

– Это правда? – Али вскочил с места, но сразу понял свою ошибку и сел обратно. Взгляд парня изменился: он уже не смеялся, а смотрел на Али угрожающе.

– Видишь? Место, куда ты деньги положил, этот парень знает лучше меня. Оказывается, ты знаешь этого парня, – Сакинат пристально смотрела на мужа. – Он хотел показать, в каком месте можно потратить деньги, но мне не хочется видеть это место.

Сакинат снова придвинула чемоданы, поставив их перед собой. Али молчал, опустив голову.

До отправления поезда оставалось ещё полчаса. Сакинат посмотрела на большие часы, висящие на стене.

– Пойдем, выйдем на перрон. Оттого, что ты будешь здесь сидеть, никто тебе деньги не вернёт.

Али взял оба чемодана и зашагал впереди Сакинат. Они вышли из здания вокзала.

В Ленинград поезд прибыл в пять часов утра. В ожидании, пока поднимутся мосты, супруги, вместе с частью других пассажиров, сидели на вокзале. Троллейбус, неторопливо и величественно двигаясь по улицам Северной столицы, к обеду привёз их к общежитию мед-института.

Хотя до начала занятий оставалось ещё несколько дней, в общежитии было оживлённо. Разбудили общежитие студенты: в его стенах гудели голоса на самых разных языках. Молодежь приехала со всех концов огромного Советского Союза, чтобы получить знания. И вот теперь в городе, с которым были тесно связаны их мечты и желания, девушки и юноши готовили себе места для проживания во время учебы.

Сакинат уже больше двух часов сидела на своих чемоданах в фойе общежития и смотрела на молодежь, которая весело, торопливо и шумно бегала по лестнице вверх и вниз. Наконец, крутя на пальце кольцо с ключом, появился Али. Он сумел получить для себя и жены отдельную комнату в общежитии. Им дали комнату на втором этаже. Когда Али и Сакинат поднялись и отыскивали нужную дверь, Али открыл ключом дверь, положил на порог чемоданы – и, не сказав, куда идёт, испарился.

Сакинат огляделась. Студенческий интерьер не отличался роскошью: в комнате находились две железных кровати на пружинах, на которых отсутствовала постель, стол и два стула. Был ещё шкаф, который занимал пол стены. Окно, стол, пол покрывал толстый слой пыли. Сакинат прикрыла дверь и заперла её изнутри. Сняла дорожное платье, которое в селе считалось выходным, и надела домашнее – штапельное платье. Не найдя в пыльной комнате места, чтобы сесть, она вышла в коридор. Из открытых дверей соседней комнаты доносился девичий смех. Сакинат постучала в открытую дверь, и девушки обернулись к ней. Было заметно, что три студентки, её ровесницы, только что прибрались в своей комнате: пол был чисто вымыт, пыль вытерта. Сакинат попросила у девушек тряпку, веник и ведро.

К вечеру Сакинат вычистила и вымыла комнату до неузнаваемости. У коменданта с первого этажа она взяла себе постель, палас на пол и занавески, которые собиралась повесить на окно. Всё расставив по местам, вытащила из чемоданов одежду, свою и мужа, и аккуратно развесила в шкафу.

– Если хочешь искупаться, там и душ есть, – подсказали девушки из соседней комнаты, когда она зашла вернуть им веник и прочие принадлежности для уборки.

Сакинат, которой доводилось видеть душ только в фильме, стало любопытно самой попробовать воспользоваться им. Она осталась очень довольна первым знакомством с общежитской душевой. Понравилось ей и мыло, пахнущее хвойным деревом, которое ей дали девушки.

Когда она вернулась в свою комнату, на неразобранной кровати прямо в одежде спал Али. Это неприятно удивило Сакинат. Она быстро прикрыла дверь, чтобы никто не заметил его. Хотя ей не довелось перекусить с того времени, как она посетила вокзальное кафе, у неё пропал весь аппетит, когда она обнаружила мужа в подобном виде. Сакинат прилегла на кровать и начала читать книгу, которую начала в поезде. Здесь, под электрической лампочкой, читать было легко, не было нужды зажигать керосиновую лампу, чистить стекло.

Али проснулся только под утро. И ощутил злость на самого себя. Он вспомнил, как, едва поставив чемоданы на пороге комнаты в общежитии, он оставил Сакинат и сразу побежал к русской девушке, с которой раньше сладко проводил время, но не встречался уже два месяца.

– Ты предатель! Даже видеть тебя не хочу! Возвращайся к своей жене! Ты мне не нужен! Я выхожу замуж – вот за него! – она сунула под нос Али фотографию парня с голубыми глазами и светлыми волосами и захлопнула дверь.

Али долго стоял за дверью, то крича, то умоляя, но русская девушка больше не открыла дверь. На последние деньги Али купил бутылку водки, которую выпил из горлышка прямо возле магазина, ничем не закусив. И больше ничего не помнил... Теперь же, когда к нему

начали возвращаться воспоминания о его вчерашних проделках, ему показалось, что весь мир почернел. Он долго сидел на кровати, обеими руками сжимая голову, и думал: «Зачем мне нужна русская, когда у меня такая красивая жена?». Он взглянул на Сакинат, которая спала, повернувшись в сторону книги. Чувствуя подавленность и нечто похожее на раскаяние, Али, однако, понимал, что от привычных сельских будней, от осознания необходимости соблюдать обычаи села, которые в некотором смысле упрощают жизнь, в нём уже не сохранилось ничего. Кроме природной сути, которая требует продолжения жизни. Когда утром супруги проснулись, на душе у обоих зияла полная пустота. И от этой пустоты не было спасения.

* * *

К городской жизни Сакинат привыкла легко. Электрический свет, рядом вода, продуктовый магазин в двух шагах – не требовалось даже пересекать улицу. Кроме как в этот магазин, никуда больше ходить не было необходимости. Сто пятьдесят рублей, которые отец дал ей в селе, Сакинат расходовала экономно, питалась дёшево, отказавшись от всего, кроме самого необходимого для жизни. Кастрюлю, чайник, сковородку, несколько тарелок, ложки и вилки она нашла в общежитии – посуду оставили студенты, которые окончили институт и разъехались. Помимо той одежды, что была взята ею из села, Сакинат не захотела ничего покупать. Она решила, что, пока не привыкнет к этой новой жизни и не найдёт способ выжить и обустроиться здесь, нужно экономить средства, привезённые ею из дома. О дальнейшей жизни и о деньгах Али с ней не разговаривал. Утром он вставал, уходил на учебу и до вечера отсутствовал. До его возвращения Сакинат готовила какую-либо еду. Он молча ел то, что она ставила перед ним, и через некоторое время засыпал. Как будто заключив некий спор, Сакинат тоже не произносила ни слова. Даже в выходные, не сказав, куда собрался, Али исчезал и не возвращался допоздна. В таком своеобразном молчаливом противостоянии проходили у них дни.

В родном селе Шалда у Сакинат не было среди девушек близкой подруги. Молодые сельчанки не понимали ее. Сакинат всегда хотелось, чтобы всё – учеба, работа дома и в колхозе, рукоделие и многое другое – получалось у неё лучше, чем у других, поэтому дружить и постоянно соревноваться с ней никто не хотел. Здесь же, в далёком северном городе, пустоту в её дружеском окружении заполнили девушки из соседней комнаты. Одинокие дни, когда ей нечего было делать, Сакинат стала проводить с ними. Она рассказывала новым подругам о Дагестане, о своём селе и его обычаях. Девушки в ответ рассказывали о своих родных местах, откуда приехали, о родителях, о любви... Больше всех ей нравилась Наташа из Ставрополя. Наташа была старшей дочерью в семье, где воспитывались семеро детей. Наташа понимала, что, если сама не сможет помочь себе в жизни, то не поможет никто, – у её матери, занятой младшими, не было на это возможности. Мать, домохозяйка, нигде не работала, отец был обычным рабочим.

Наташа училась на втором курсе и городскую жизнь знала намного лучше, чем Сакинат. Лучше она знала и то, как расходовать деньги. Наташа днём училась, а вечером ходила на дежурства в больницу. Таким образом она зарабатывала деньги на свои расходы. По её примеру, не спросив мнения Али, Сакинат тоже устроилась на работу. Как только муж утром уходил, она одевалась и вместе с соседскими девушками шла в мединститут. Девушки учились в аудиториях наверху, а она работала внизу в гардеробной вместе со старушкой Варей.

На первом этаже мединститута Сакинат нашла ещё одно богатство мира. Там располагалась большая библиотека. Независимо от того, был день или стояла ночь, она брала из библиотеки и читала одну за другой множество самых разных книг – художественные, исторические, детективы – всё без разбора. Какая книга попадалась в глаза – ту и брала почитать. Выбирать хорошие книги она ещё не научилась. Тем не менее каждая книга открывала для неё что-то новое.

На работе Сакинат не уставала. Что за работа для молодой женщины, которая привыкла к тяжёлому сельскому труду: утром взять пальто, а вечером вернуть хозяину! Здесь на чтение книг у Сакинат было сколько угодно времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.